

К Культура Алтайского края

№ 02 | июнь | 2018

Евгений Скурихин. Дух. 2017.
Искусственный войлок, масло. 125x152

стр. 14

Десять алтайских художников по итогам работы Межрегиональной выставки «Сибирь — XII» были рекомендованы на Всероссийскую выставку «Россия — XIII», которая пройдет в Москве в 2019 году. Москва увидит работы наших лучших графиков: Татьяны Ашкинази, Ивана Быкова, Николая Зайкова, Александра Потапова; живописцев: Александра Емельянова, Дмитрия Петренко, Валентина Шипило, Анастолгия Щетинина, Юрия Юрасова и художника декоративно-прикладного искусства Евгения Скурихина.

Наталья Царёва

В номере:

СОБЫТИЯ. ЛИЦА

- 2 *Наталья Николенкова.*
**Андрей Вознесенский:
«Я сидел в моей
избирательной
компании»**

СЛОВО

- 6 *Дмитрий Марьин,
Юлия Нифонтова.*
**Какие книги
придут к читателям?**
- 10 **Книжный инстинкт:**
рецензии на книги
*Александра Струганова,
Фариды Габдрауповой,
сборник «Твои немцы, Алтай!».*
Авторы рецензий
*Лариса Вигандт,
Наталья Николенкова,
Светлана Язовская*

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

- 12 *Наталья Царёва.*
Не имеет аналогов
- 16, 26 **Выставки. Избранное.**
Авторы: *Дмитрий Золотарёв,
Наталья Царёва,
Людмила Корникова*
- 20 *Любовь Шамина.*
Шипуновские шедевры
- 24 *Инна Галкина.*
Туриногорцы
- 30 *Александр Рыжов.*
Нескучная выставка

НАСЛЕДИЕ

- 32 *Елена Клишина.*
**Госпиталь
в глубоком тылу**
- Родионовские чтения:**
- 36 *Лариса Вигандт.*
С Родионовым
- 37 *Борис Бабарыкин.*
**Александр Михайлович
Родионов. Родословная**
- 38 *Александр Зимирев.*
**Тайны демидовских
печатей**
- 40 *Виктор Суманосов.*
С интересом и болью

ФОТОГРАФИЯ

- 44 *Дарья Маркова.*
**Универсальный
фотохудожник**

ТЕАТР

- 46 *Лариса Вигандт.*
**На сцене классики
и современники**
- 51 *Елена Кожевникова.*
«Здесь все мое...»

ЛИТОТДЕЛ

- 54 *Александр Пак.*
Стихи
- 56 *Игорь Шкляревский.*
**На проспекте граждане
гуляют...
(История создания
песни)**

№ 2 (30),
июнь 2018
(журнал выходит
поквартально)

Учредитель журнала:

Краевое государственное
бюджетное учреждение
«Алтайская краевая
универсальная научная
библиотека имени
В.Я. Шишкова».
Выпускается при поддержке
Правительства Алтайского
края и управления
по культуре и архивному делу

Адрес редакции и издателя:

656038, Алтайский край,
г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 5
тел.: (3852) 36-39-37
e-mail: ak.culture@mail.ru

Редакционный совет:

Безрукова Е.Е.
(председатель совета)
Быков И.А.
Вигандт Л.А.
(главный редактор)
Замятина Г.А.
Ковалёв О.А.
Марьин Д.В.
Огнева Е.В.
Царёва Н.С.

Дизайн-макет — Шелепов А.Н.

Дизайн, верстка — Карпов А.А.
Корректор — Сигарева М.В.

На первой странице обложки:

Владимир Максименко.
Дождь в Пунта-Кане.
Холст, масло. 103x75

Адрес типографии:

ИП Малашкина И.С.
656067, г. Барнаул
ул. Солнечная поляна, д. 111
тел.: 8-913-235-70-41
e-mail: tipograf2018@yandex.ru

Издание зарегистрировано
в управлении Федеральной
службы по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций по Алтайскому краю
и Республике Алтай

Свидетельство

о регистрации:
ПИ №ТУ22 — 00560
От 18 июня 2015 года

Тираж:

2000 экземпляров
Дата выхода в свет:
26.06.2018

Журнал распространяется
бесплатно
Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов

Андрей Вознесенский: «Я сидел в моей избирательной компании»

15 марта 1989 года Барнаул посетил Андрей Андреевич Вознесенский. Весь город собрался в ДК моторостроителей, на самой большой концертной площадке. Нас было больше тысячи, и мест не хватало

текст **Наталья Николенкова**

Повторить тот поэтический барнаульский ажиотаж 1989 года, конечно, уже невозможно, хоть сам Бродский оживи. Я уже не говорю о гастрольном чёсе десятков современных эстрадных поэтов и поэток, худо-бедно собирающих по стране клубы и ко всеобщему удовольствию общающихся на поэтических состязаниях-слэмах. Вознесенский попал в Барнаул (читай: Шамбалу, Беловодье, рериховские места, духовные Гималаи, для москвичей это почти неразличимо) в самую точку.

За кулисами ДК моторостроителей сию минуту сбывалась вековая мечта известного барнаульского скульптора Александра Маркина: он стоял в настоящем древнегреческом холщовом хитоне, босой, и практически в состоянии катарсиса лепил с натуры своего кумира. А.А., надо сказать, был впечатлен. Потом скульптурная голова поэта была переведена в воск. К сожалению, дальнейшая ее судьба мне неизвестна.

Барнаульский авангард,
В вас — духовный предугад.

Лапой мирового духа
Благослови меня, Белуха.

Провели мэтра и по «сталинским» барнаульским местам — к арке на Льва Толстого, 23. Это тоже вошло в стихи, и даже графически, в виде арки.

Но нам, желторотой молодежи, было, конечно, интереснее всего другое. Прикоснуться. В кои-то веки. В старом и тесном Союзе писателей на Строителей расселись кружком

да стали читать ладком по кругу. На столе, ребята-демократы, только чай да брусника, собственноручно собранная в ленточных борах Наташей Николенко (хотя пытался охальник Токмаков в своих поздних апокрифах и рюмку для храбрости приплести, и некое журчание в туалетной кабинке...). Иногда усталый поэт задремывал. Будили, наглые неофиты.

Неизменный светлый пиджак. Неизменный шейный платок. Еще румяное светлое лицо. До боли знакомый жест с откинутой рукой. Подбородок, словно максимально тянувшийся к слушателю.

По образованию А.А. — архитектор, то есть изначально визуал.

Я сыт поляной, где качаются
По тёмным щавельным волнам
Ромашки, как крутые яйца,
Разрезанные пополам.

Или:

Париж. Друзья. Сомкнулись стены.
А за окном летят в веках
мотоциклисты
в белых шлемах,
как дьяволы в ночных горшках.

Оттого и попали в поле его зрения, прежде всего, наиболее живописные барнаульские персонажи. И в поэтическую «Барнаульскую буллу».

15 марта
Меня выбрали в Папы российского авангарда.

Первый ряд: человек в шапке (неизвестен), Андрей Вознесенский (в центре), Ирина Цхай.
Второй ряд: Олег Сорокин, Александр Брехов, Наталья Николенко

Наталья Николенкова, Андрей Вознесенский, Виолетта Метелица, Александр Лапин

Почему в Барнауле?
А то б пырнули.

(Существовало тогда в Барнауле поэтическое объединение ЭРА — эпоха барнаульского авангарда, наш ответ футуристам начала прошлого века. Кого же, как не Вознесенского, возводить на папство?)

Дев обидчик
Захлопывал балконы, как коробки спичек,
И прикуривал от соска.

(Токмаков, Токмаков без вариантов!)

Другой писал «Спартак» и «ЦСКА».

(Вижу-вижу Михаила Гундарина, может, все в том же шарфе.)

Ира-корейка
мелькала, как палочка Караяна,
со взглядом, настоящим на корне золотом.

(Вот Ирина Цхай вошла в историю русской литературы, еще гораздо ранее своих волшебных детских книжек.)

Коля Бажан, слепнувший красавец, которому только стихи, кажется, помогали выживать, который и прежде посылал свои опусы А.А., а теперь, к счастью, успел его увидеть.

Пой, слепой,
Надежду, что ты один видел!

Благословляю ваш бунт и понт
И огоньбородки а ля Бальмонт.

(Это о Саше Брехове, который уже давно обрел свою Шамбалу в Горном Алтае и проводит там, в более аутентичной обстановке, поэтические фестивали.)

В эссе «Минута немолчания» — снова вчерашний дембель, замученный гигантскими дальневосточными махаонами и барнаульскими красотками — «рослый их лидер в белом пиджаке и очках "Джеймс Бонд"» (Владимир Токмаков, естественно).

Боюсь, если бы не моя экстремальная прическа, и не заметил бы меня А.А., и не написал бы:

«Глуховато-спокойно читает Н. Николенкова, статная суриковская боярышня с котиковой стрижкой, будто отросшей после бритья наголо:

Замкнутые системы,
Бродим по Барнаулу, не совпадая, но рядом».

И, уже в другом эссе: «Для меня суть России не в ее супостатах, а в Тарковском, Заболоцком и юной Николенковой (?!) из Барнаула, выдохнувшей хрустальную строку» — на что поэт Юрий Великов не преминул ядовито заметить: «Мы тут ничего не выдыхаем — а она выдыхает...»

Андрей Вознесенский, Марина Быкова, Владимир Бережинский (второй слева).
Имена некоторых участников встречи с поэтом неизвестны

Кому как — а для меня именно визит Вознесенского в Барнаул стал главным событием перестройки. Увы и ах, так и не удалось выяснить имени инициатора той поездки. Подпись-приглашение, по словам самого А.А., звучала как «Директор административного бюро Фонда молодежной инициативы г. Барнаула...» Никто не смог вспомнить фамилию местного бизнесмена, по собственной инициативе и за свой счет устроившего нам «пир духа»^{*}.

И знаете, мало того, что на каждой протянутой для автографа книжке писал Андрей Андреевич небанальное: «Наташе — с розой», «Марине — в три часа ночи» (представьте, они еще и интервьюировали его всю ночь, Елена Гаврилова и Марина Кочнева, газета «Молодежь Алтая», а потом и шампанское откупорили!). Так еще и передал позже через организатора поездки только что вышедшую из печати, самую что ни на есть новейшую «Аксиому самоиска».

^{*}По информации Александра Строганова, визит Андрея Вознесенского в Барнаул организовал Юрий Александрович Фисун. — *Ред.*

Теория шести рукопожатий, говорите? Да мы через одного Вознесенского и с обоими Кеннеди на короткой ноге, и с Жаклин Онассис, и с Бобом Диланом, я уже не говорю о Пастернаке.

Особое спасибо Александру Лапину за фотографии — не смартфонские, а черно-белые, выцветшие, бледные, дорогие. К сожалению, не все попали на эти снимки. Володя Бережинский и Олег Сорокин, так рано ушедшие от нас, зуб местной журналистики (а в те поры — лирический поэт) Сергей Тепляков, Виолетта Метелица, вся — творчество и полет. Наташа Николенко (это та, что с брусникой). А с розой — я.

Из всей знаменитой четверки — Евтушенко, Рождественский, Ахмадулина, Вознесенский — именно он кажется мне отчего-то самым счастливым. Может, самым искренним и детским каким-то. Хрущёв публично наорал? Да, страшно было. Жену чужую увел? Да, некрасиво как-то. Но когда ты не то чтобы искатель метафоры, когда ты — откровенный раб метафоры, и не менее того, именно тогда ты — поэт.

Андрею Вознесенскому 12 мая было бы 85. Мы — видели поэта.

Я с детства обожаю овал. Угол любой дурак нарисует. ■

Какие книги придут к читателям?

Подведены итоги очередного, десятого по счету, ежегодного конкурса Правительства Алтайского края на издание литературных произведений

Дмитрий
Марьин

ДЕЖА ВЮ В ПРОЗЕ

Будучи экспертом в номинации «Художественная проза», позволю себе остановиться подробнее на итогах именно в этом разделе конкурса.

В 2018 году на конкурс подано 52 заявки, из них на «Прозу» — только одиннадцать, столько же пришлось на раздел «Литература для детей и юношества». Традиционно самое большое число конкурсантов в номинации «Поэзия» — восемнадцать. Оставшиеся двенадцать претендентов распределились между «Краеведением», «Первой книгой» и фантомной номинацией «Публицистика».

Положение дел в номинации «Художественная проза» оказалось вполне предсказуемым. Здесь отрицательная динамика сохраняется не один год. Сравним: в 2015 году было подано 18 рукописей, в 2017 — 12.

По итогам X краевого конкурса на издание литературных произведений выйдут в свет следующие книги:

Проза

Станислав Вторушин. *Не кричи, кукушка*

Поэзия

Фарида Габдраупова. *Окно на Восток*

Константин Гришин. *По всему Транссибу*

Михаил Бетехтин. *В сорок моих сороков*

Детская литература

Ольга Такмакова. *Где зимует стрекоза?*

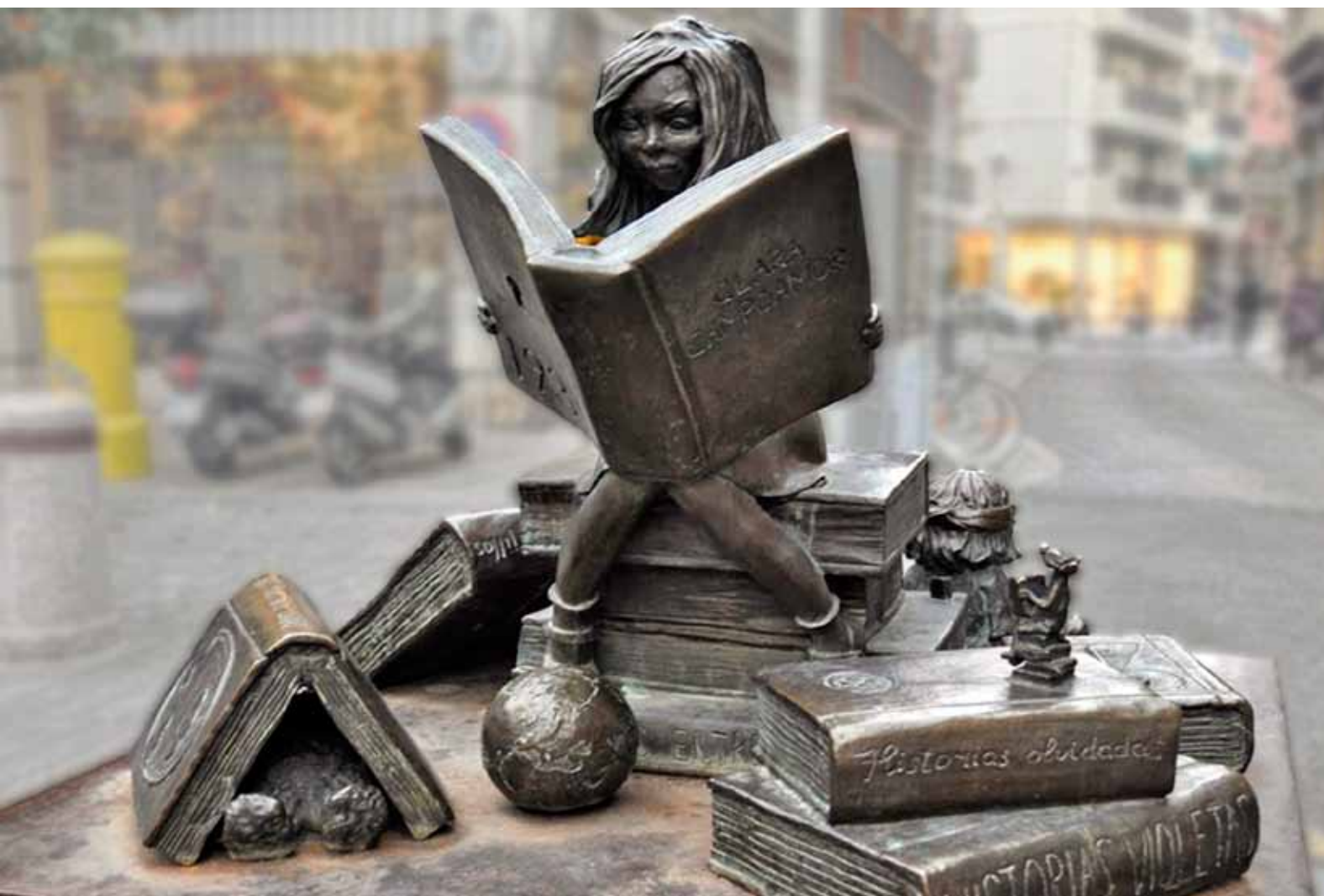
Виктор Бычков. *Славка из 9-А*

Краеведение

Татьяна Гуцина. *Николай Дворцов: жизнь и творчество писателя в воспоминаниях, статьях и документах*

Но и нынешнее число рукописей — 11, как мы увидим чуть позже, в определенном смысле раздуто. Более того, в 2016 и 2017 годах в этой номинации книги вообще не издавались! Прогрессом можно считать то, что в 2018-м экспертное жюри рекомендовало к публикации одну рукопись. Победителем в номинации «Художественная проза» стал Станислав Вторушин со сборником рассказов «Не кричи, кукушка», который отличает неплохой подбор произведений, посвященных главным нравственным ценностям, борьбе человека за свое «я», за сохранение души в жестоком современном мире. Станислав Вторушин — один из старейшин в Алтайской писательской организации. Его рассказы сделаны добротной, с большим вниманием к языку, сюжету и психологическому портрету героя. Думается, рассказ «Нелетная погода», написанный еще во времена СССР, достоин включения в антологию отечественной литературы XX века. Возьмусь предположить, что читателям Барнаула, Алтайского края больше всего придется по душе очерки из цикла «Лики друзей», посвященные поэтам Николаю Рубцову, Леониду Мерзликину, священнику Михаилу Капранову. На мой взгляд, о Леониде Мерзликине лучше пока никто не написал.

Но вот тут-то и возникает впервые ощущение deja vu. Сборник Станислава Вторушина, выигравший конкурс, почти полностью дублирует третий том избранных сочинений писателя, вышедших в 2012 году. Только два рассказа — «Река времени» и «Не кричи, кукушка» — впервые увидят свет в книге 2018 года. Многие из того, что войдет в новый сборник, написано в 1970–1980 годы, то есть далеко не ново. Перед экспертами стоял вопрос: стоит ли еще раз издавать то, что уже печаталось, притом не раз? Голосование решило судьбу рукописи. Она будет издана. Замечу, данное обстоятельство вполне можно расценивать как комплимент известному литератору. В свое время старшему поколению писателей Алтая досталось немало критики от молодых литераторов, тех,

Девочка, читающая книгу. Севилья, Андалусия (Испания)

кто в начале 2000-х спешили занять места в авангарде литературного процесса. Но жизнь показала, что сил на покорение литературной Белухи у молодежи двадцатилетней давности или не хватило, или они не смогли удержаться на скользкой вершине. Творчество же старшего поколения — крепко, основательно и по-прежнему имеет своего читателя. К сожалению, новыми открытиями в прозе издательский конкурс почти не радует.

Некоторые эксперты включили в шорт-лист роман Вячеслава Чиликина «Свет во тьме». Пожалуй, эта рукопись была единственным конкурентом сборника Станислава Втурушина в номинации. Чиликин — некогда известный барнаульский журналист, заместитель редактора «Алтайской правды», фронтовик, ныне покойный. Как оказалось, он почти тайно занимался литературным творчеством, писал в стол; его рукописи демонстрируют несомненный талант. Видимо, Вячеслав Константинович и сам понимал, что в 1970–1980-е его произведения не имеют шансов к публикации. Особенно Чиликину удаются психологические портреты. Герои раскрываются постепенно и многогранно. Язык в целом точен, ярок, довольно богат.

Роман «Свет во тьме» написан в 1989–1990 годы. В те времена обличительный и даже разоблачительный пафос произведения, а именно: обилие «чернухи» в описании советской жизни и быта 1950-х, были вполне уместны.

Такой подход контрастировал с поэтикой соцреализма, был новым способом художественного познания эпохи послевоенного СССР. Мир СССР пятидесятых годов по Чиликину беспросветен. Это мир униженных и оскорбленных. Однако сегодня, в конце второго десятилетия XXI века, такой подход уже не соответствует запросам времени, он — банален, примитивен, неинтересен. Осмысление советской эпохи вышло на совершенно иной уровень и требует нового, более сложного художественного метода. Современная русская литература пытается понять внутренние причины советского тоталитаризма. Были ведь и радости, и энтузиазм, и великие победы, и искренние слезы на похоронах вождя. Как и почему это уживалось с доносами, репрессиями, лагерями? Захар Прилепин, Евгений Водолазкин, Сергей Шаргунов и многие другие современные отечественные писатели пытаются отвечать в своих произведениях на эти проклятые вопросы. Актуальность — вот чего не хватает роману Вячеслава Чиликина в 2018 году. Он содержательно устарел, перезрел. Время вспять не повернешь.

А что остальные конкурсанты? Выделю лишь одного — Евгения Скрипина. Кажется, он в своем литературном творчестве пытается найти ответ на сакраментальный довластовский вопрос: «А правда, что все журналисты мечтают написать роман?» «Роман» Евгения Скрипина «Воздух неполного счастья», представленный

на конкурс вкупе с рассказами и так называемыми «Маленькими повестями», увы, пока напоминает развернутый автобиографический очерк, в котором автор позиционирует себя то ли героем нашего времени, то ли экс-Дон-Жуаном. В центре повествования — истории мужчины в годах, оказавшегося за бортом жизни. Фрагментарность и бессюжетность — главные особенности произведения. Ничего нового ни в теме, ни в архитектонике романа автор не открывает.

По настроению и стилистике близки роману «Маленькие повести», хотя, на мой взгляд, перед нами — отдельные зарисовки, заметки, отражающие авторское восприятие отдельных моментов бытия. Автор сам ставит такой вопрос: «Для чего мы пишем, средние писатели?» И не отвечает на него. И для читателя,

и для эксперта, как нам кажется, после знакомства со сборником Евгения Скрипина этот вопрос тоже останется открытым... Никто из экспертов не дал шанса рукописи.

Далее ощущение дежа вю накатывает океанской волной. Из оставшихся авторов, подавших заявки, пятеро (!) участвовали в конкурсах прежних лет, и только Николай Балыков попытался хоть что-то изменить в рукописи. Остальные подали то же самое, не вняв замечаниям экспертов. Холостой выстрел.

К сожалению, художественная проза остается крепким орешком для современных литераторов Алтая. Создать новое, свежее полноценное прозаическое произведение романной формы не удастся никому.

Где вы, молодые, талантливые писатели?

**Юлия
Нифонтова**

ПОЭЗИЯ: СЮРПРИЗ КОРОТКОГО СПИСКА

Поэтическая номинация стала сюрпризом X краевого конкурса на издание литературных произведений: в разделе оказалось как никогда много талантливых рукописей. Во всяком случае, с 2010 года в шорт-лист конкурса не попадало больше двух-трех поэтов. В короткий список — 2018 были выдвинуты восемь авторов: Михаил Бетехтин, Фарида Габдраупова, Ирина Гонюкова, Константин Гришин, Людмила Снежень, Александра Малыгина, Евгения Ткалич и студентка технического университета Диана Шершнёва.

Считаю нужным отметить участие в конкурсе двух известных детских авторов. Василий Нечунаев и Ирина Цхай решились на творческий эксперимент, представив весьма интересные поэтические рукописи, адресованные взрослому читателю.

В рамках издательского конкурса рассматривался сборник молодых поэтов. Совместное издание не прошло, однако многие авторы отмечены как перспективные, это: Артём Красилов, Анастасия Кеняйкина, Михаил Максимов, Екатерина Мергасова, Дарина Мерзликина, Дмитрий Мухачёв.

По итогам голосования самое большое количество баллов набрали поэтические тексты Фарида Габдрауповой, Михаила Бетехтина и Константина Гришина. О победителях — чуть подробнее.

С 2009 года в адрес издательского конкурса поступило более 600 заявок во всех номинациях: «Художественная проза», «Поэзия», «Литература для детей и юношества», «Краеведение», «Публицистика», «Первая книга».

С 2009 по 2018 издана 81 книга.

У Фарида Габдрауповой выйдет книга «Окно на Восток», в которую войдут стихи разных лет. Фарида Анваровна не единожды подавала заявки на конкурс, и каждый раз ее произведения входили в шорт-лист, но, к сожалению, не набирали нужного количества баллов. Думаю, что поэтический сборник Фарида Габдрауповой, одобренный жюри к изданию в 2018 году, станет настоящим подарком любителям поэзии.

Предисловие к рукописи поэтесса начала с фразы: «Мои окна выходят на Восток», а закончила: «Где-то там — ты!..» Название книги — «Окно на Восток» — подразумевает и обращение к тюркским корням, и мечту о счастье, и еще нечто колоритное, сказочное и манящее, что так характерно для всего творчества Фарида Габдрауповой.

Поэтический мир автора очень красивый, самобытный, образный, искренний. Среди конкурсантов я поставила Фарида на первое место, прежде всего, за то, что ее поэзия — это гимн большой бессмертной любви, любви — вопреки всему. Мне очень по душе обезоруживающая искренность и исповедальность ее стихов.

Я в прищуринах глаз жгу бенгальский огонь.
Вы пугались напрасно — я глупая мощь.
Подойдите поближе, подставьте ладонь:
Я и есть только этот сгорающий дождь.

Лирика Фарида Габдрауповой насыщена яркими сравнениями, говорящими деталями. Автор размышляет о смысле жизни, о бренности существования, о неотвратимости судьбы.

Картаней*

Домик холодный, сохнут растения,
Ветер во все щели.
Стол деревянный, брусчатые стены —
Всё в этом доме священо.

*Картаней (с татарск.) — бабушка.

Александр
Строганов

СТРАВИНСКИЙ

Издательство
RIDERO, 2018

Александр Строганов, писатель и профессор кафедры психиатрии Алтайского государственного университета, 8 апреля читал отрывок из своего нового романа «Стравинский» в барнаульском Доме актера. Александр Евгеньевич — создатель парареализма, оригинального стиля в литературе, и трансдраматической терапии, нового направления в психотерапии.

Так вот, «Стравинский». Их, Стравинских, будет три в романе. «По первой и главной профессии я психиатр. Вероятно, вы уже догадались», — сообщает Строганов читателю.

Встреча с писателем удалась вполне. Авторское чтение часто помогает понять и полюбить текст. И вот речевая волна, плавная, живая, наполненная негромкими интонационными переливами, покатила, увлекла. Размеренное звучание фраз, скольжение, почти музыка: вопрос — недоумение — шутка — ирония — удивление — вопрос...

Вопросов много. Ирония доминирует.

Легкость, прозрачность («...люблю акварель», — улыбается А.Е.), перепархивание, намеки, странные советы — и по кругу. Без назиданий и выводов. Автор ни на чем не настаивает, ну, разве лишь на этом: беседуйте перед сном с домашними питомцами. За каждым высказыванием — «бездна пространства» — вороши свое.

Записала в блокнот: мозолистые души (о сочинителях); беспризорник Эйнштейн — числопас; старость не что иное, как изнанка детства.

Ассоциативный текст с приемами гипноза, много ребячества, обращений к нежному возрасту, несколько капель театрального абсурда. Таким оказалось вступление к роману.

– Дальше герои начнут действовать, будет что-то происходить, — Строганов закрыл книгу, толстенькую, красиво оформленную, с авторским рисунком на обложке.

Я хотела «Стравинского». Не я одна. Александр Евгеньевич телепнулся на беззвучные импульсы, взял тяжелую коробку и сказал, что подарит несколько книг. Подарил. Подписал. Посмеялся: «Далеко не каждый будет читать этот бред».

В свободном полете, то есть в столпотворении вокруг столика, за которым Строганов раздавал автографы, выяснилось, что теперь он эстонский автор. Сразу три его пьесы идут или готовятся к постановке в этой стране. Прекрасно. Когда-то шли на барнаульской и московской сценах.

Собственно, и восьмиапрельское чтение на публику обернулось подмостками, монспектаклем. И площадка, новая для Барнаула, интересная, в старом городе, на втором этаже купеческого особняка, весьма подошла Александру Строганову и его читателям-слушателям.

Лариса Вигандт

ТВОИ НЕМЦЫ, АЛТАЙ! ВЫПУСК 2

Барнаул, 2017

В апреле в Российско-немецком доме прошла презентация второго выпуска сборника «Твои немцы, Алтай!», изданного при содействии АОО «Международный союз немецкой культуры». Первый том вышел в 2016 году. Опыт подобных публикаций существовал и ранее: в 2008 году в Барнауле был издан справочно-библиографический сборник «Немцы Алтая».

Инициатором и автором-составителем издания «Твои немцы, Алтай!» является Пётр Фиц. Многие материалы, вошедшие в книгу, впервые увидели свет в альманахе «Минувшее время» (Славгород), который редактировал в свое время Пётр Эммануилович.

Если в трехтомной энциклопедии «Немцы России» (1999–2006) собраны данные справочного характера о персоналиях и событиях, происходивших в жизни немецкой диаспоры России, то сборник «Твои немцы, Алтай!» аккумулирует публикации об известных немцах Алтая, в разные годы напечатанные в средствах массовой информации. Пётр Фиц провел серьезную работу по составлению библиографии первоисточников. Книга имеет солидный объем (348 страниц) и знакомит читателей с подборками материалов о тридцати российских немцах. В сборник вошли документы из семейных и государственных архивов, фондов музеев и библиотек Славгорода и Барнаула.

Первая часть издания под заголовком «Приумножали славу Алтая» знакомит с биографиями людей, ныне покойных. Отдельные главы посвящены заслуженному механизатору сельского хозяйства РСФСР Ивану Эртелю, заслуженному зоотехнику РСФСР Аркадию Затлеру; агроному, почетному гражданину Тюменцевского района Генриху Глекнеру; директору госплемзавода «Славгородский» Александру Финке; заслуженному агроному РСФСР Константину Лейману; председателю колхоза «Победа» в Немецком районе Александру Бернгардту; главному архитектору Барнаула Виктору Остен-Сакену;

директору Алтайского дома печати Николаю Герцену; хирургу, заслуженному врачу РСФСР Елене Гуль (Фризен); геологу, горному инженеру Михаилу Розену; заслуженному деятелю науки Александру Ланге; биологу Ирине Филус; поэту Гюнтеру Тюрку; педагогу и поэту Эвальду Каценштейну; журналисту и литератору Петру Классену; заслуженному художнику России Иоганнесу Зоммеру.

Вторая часть «Опыт, знания, талант» рассказывает о ныне здравствующих людях. Героями публикаций стали: Роза Кутукова (Гренц), Герой Социалистического Труда, зоотехник; Иван Лоор, с 2008 по 2016 год занимавший должность председателя Алтайского краевого Законодательного собрания; Пётр Фризен, заместитель председателя Общественной палаты Барнаула, заслуженный работник МВД и Госкомстата России; Евгений Ганеман, исполнительный директор объединения работодателей «Союз промышленников Алтайского края»; Герман Ремпель, директор ООО «Алтайский территориальный монтажный комплекс», заслуженный строитель РСФСР; Артур Дерфлер, заслуженный машиностроитель РФ; Пётр Боос, заслуженный работник сельского хозяйства РФ, генеральный директор ООО «Брюкке»; Александр Траутвейн, глава Косихинского района Алтайского края; Павел Бейфорт, глава фермерского хозяйства, почетный работник агропромышленного комплекса России; Эльвира Вебер, президент Алтайского банковского союза; Татьяна Шульц, заместитель главного врача по экспертизе Алтайской краевой клинической детской больницы, получившая звание «Детский врач года» (2011); Александр Деринг, почетный архитектор России, руководитель архитектурной мастерской; Вадим Вистингаузен, исследователь, искусствовед; Абрам Фаст, автор краеведческих книг.

Третья, заключительная, часть книги содержит справочную информацию о персоналиях, представленных в первом выпуске «Твои немцы, Алтай!».

Идея периодического издания сборников пришла по душе краеведам, занимающимся историей немцев Алтая, — исследования имеют шансы быть напечатанными. Книга «Твои немцы, Алтай!» станет отличным подарком людям, интересующимся историей нашего края.

Светлана Язовская

Фарида
Габдраупова

ЛИШНЯЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ

Барнаул, 2018

Начнем с того, что женская проза существует. Я бы разделила ее — не литературоведчески, чисто читательски — на: а) физиологическую (Галина Щербакова, например); б) экзистенциальную (Людмила Петрушевская, хотя у нее, божественной, физиологии больше, чем изюма в пасхальном кексе); в) неженскую (Татьяна Толстая); г) возвращенную блогами и уже практически ставшую жанром девочкинскую; д) ну и далее — всяческая детективно-романтическая или псевдоавангардистская чушь.

«Лишняя жизнь женщины» — уже в названии сборника рассказов (плюс пьеса, которая понравилась мне больше всего) Фарида Габдрауповой угадывается желание удачно проскользнуть между реальными событиями и их мистической подоплекой, уйти из жизни в карнавал. Автор на презентации все время подчеркивала: это — не обо мне, это — не со мной. Как говорится, кого ты хотел обмануть. Прототипы узнавали без труда и друг друга, и ситуации.

Но речь не о том. Читая с неизбежным любопытством, все время пыталась понять: вот эти китчевые, не на грани, а практически за гранью фолы повествования о любовях и изменах, эти тщательно продуманные красавицы, часто афористичные, хоть в сборник женских высказываний заноси — это всерьез?

«...провела своим ртом по его губам, так и не прикоснувшись». — Это как?
«Когда Павел ушел, была секунда глубокого чувства и подступивших слез».
«И вся ее нескладная жизнь со смятым букетом оскорбленных надежд...»
«Пьяный мужчина, наделенный властью, неважно кто — начальник или муж, бывает омерзительно откровенен, низок и опасен».

И это только малая толика несуразных красавиц или красивых несуразностей, бросающихся в глаза.

А вот в пьесе «Картина счастья» (она, кстати, попала в лонг-лист какой-то премии) все предыдущие несуразицы выстроились на удивление гармонично, без излишеств. Как будто до этого был растворимый кофе — и вот принесли настоящий.

Нет, не так мне надо было начать. Надо было начать с того, что Фарида Габдраупова, поэта и красавицу, я знаю и люблю уже 128 лет (учились в одной группе на ФилФ АГУ). И считаю выход книги ее прозы большим отважным поступком. Оформленная фотографиями Александра Волобуева, с которым они сотрудничают давно и волшебным образом, она украсит вашу книжную полку. Потому что в жизни женщины не бывает ничего лишнего. ■

Наталья Николенкова

Межрегиональная художественная выставка «Сибирь — XII» весь апрель работала в Новокузнецке. Грандиозная экспозиция стала подарком жителям города, который в этом году отмечает свое четырехсотлетие

Не имеет аналогов

текст **Наталья Царёва**

История сибирской (зональной) периодической выставки берет начало в Новосибирске в 1964 году. Барнаул принимал пятую всесибирскую экспозицию в 1980-м. Каждый крупный сибирский город считает за честь быть избранным для проведения столь масштабного художественного форума.

Выставка 2018 года, двенадцатая, представляла на более чем 6000 квадратных метрах 1200 произведений, созданных художниками Сибирского федерального округа за последние пять лет. В выставке приняли участие более 700 авторов, среди них пятьдесят художников и семнадцать искусствоведов от Алтайской краевой организация ВТОО «Союз художников России».

Светлана Милантьева. **Рыба**. Из серии «Скифский мир». 2017. Шамот, соли металлов, глазури. Обжиг 1200°C. 18х9х23

В экспозиции были представлены художники всех поколений: живописцы и графики, скульпторы, художники декоративно-прикладного и церковного искусства.

Сильной частью выставки в этом году стал портретный жанр. Произведения алтайских портретистов привлекали внимание разнообразием решений, от строго реалистических портретов в исполнении Ильбека Хайрулинова («Портрет скульптора Н.В. Звонкова», 2015), Ирины Щетининой («70-й день Победы. Портрет художника Бельшева — участника войны», 2015), Александра Емельянова («Портрет Александра Потапова», 2017), Натальи Ямковой-Плохих («В ожидании. Автопортрет», 2017) до смелых по замыслу и воплощениям работ Александра Андрусенко («Шорох падающих звезд. Теплый август 2010 года (автопортрет с художниками Евгением Скурихиным и Александром Гнилицким)», 2017), Татьяны Ашкинази («Модель в фиолетовом», 2017), Сергея Пашкова («Боб. Портрет Б.М. Трифонова», 2015), Владимира Максименко («Дождь в Пунта-Кане», 2017).

Молодые художники, принявшие участие в выставке, выдержали серьезный творческий экзамен. Хочется от души поздравить с успехом графиков, прекрасных рисовальщиков Ивана Быкова, Юрия Гребенщикова. Темпераментная веселая гуашь «Белая Жарптица, или В толпе» (2017) демонстрирует, что в Алтайском Союзе художников появился смелый, неординарный художник Светлана Малыгина.

Искусствоведы — а это доктора и кандидаты наук из Алтайского государственного университета, Алтайского государственного технического университета, преподаватели Новоалтайского государственного художественного училища и сотрудники Государственного художественного музея Алтайского края — не только представили свои работы на выставке, но и выступили с докладами на искусствоведческих чтениях, которые стали десятками по счету в рамках выставки «Сибирь».

Юрий Юрасов. Янус. 2013. Инсталляция. Дерево, оргалит, масло. 180x120

Татьяна Ашкинази. **Модель в фиолетовом.**
2017. Холст, масло. 45x45

Работы наших художников и искусствоведов были отмечены наградами. Татьяна Ашкинази получила диплом ВТОО «Союз художников России», Анатолий Щетинин — благодарность ВТОО «Союз художников России»; лауреатскими дипломами Межрегиональной выставки «Сибирь-ХІІ» и медалями наградили четырнадцать участников выставки: Михаила Будкеева, Александра Емельянова, Николая Зайкова, Владимира Кикотя, Наталью Красикову, Михаила Кульгачёва, Ивана Мамонтова, Валерия Марченко, Николая Мингалеева, Николая Острицова, Дмитрия Петренко, Ильбека Хайрулинова, Наталью Царёву и Ирину Щетинину.

К открытию выставки был издан объемный альбом-каталог, на четырехстах полосах которого размещены все материалы выставки «Сибирь-ХІІ» — проекта «Сибирь. Регионы», проходившего в Новокузнецке с марта 2017 года по февраль 2018, и еще двум выставкам: музейной «Художники Сибири в коллекциях художественных музеев Кузбасса» и графической «Сибирь — Дом творчества "Челюскинская"». Последняя приурочена к семидесятилетию Дома

Светлана Малыгина. **Белая Жар-птица, или В толпе.** 2017. Бумага, гуашь, пастель. 46x66

Александр Андрусенко. Шорох падающих звезд. Теплый август 2010 года. 2017. Холст, масло. 90x100

творчества, здесь экспонировались графические произведения художников Сибири, в разные годы работавших на этой творческой площадке.

– Выставка «Сибирь» — это уникальный выставочный проект, позволяющий увидеть общую картину современного изобразительного искусства огромного региона. Масштаб экспозиции не имеет аналогов в экспозиционной практике. Тысячи метров самых лучших образцов живописи, графики, скульптуры, декоративного искусства. Кроме того, это творческое общение и обмен мнениями, возможные только один раз в пять лет. Событие для художников по-настоящему бесценное, — отозвался известный алтайский художник Николай Зайков о грандиозном художественном форуме.

Работы десяти художников по итогам Межрегиональной выставки «Сибирь–XII» были рекомендованы на Всероссийскую выставку «Россия–XIII», которая пройдет в Москве в 2019 году. Москва увидит работы наших лучших графиков: Татьяны Ашкинази, Ивана Быкова, Николая Зайкова, Александра Потапова; живописцев: Александра Емельянова, Дмитрия Петренко, Валентина Шипило, Анатолия Щетинина, Юрия

Александр Емельянов. Портрет Александра Потапова. 2017. Холст, масло. 80x85

Юрасова и художника декоративно-прикладного искусства Евгения Скурихина.

Экспозиция в Москве станет финалом многоуровневого всероссийского выставочного фестиваля изобразительного искусства. ❏

Юрий Юрасов. *Пастораль*. 2009. Фото Дмитрия Золотарёва

Галерея «Турина гора»

Художник — перекати-поле

В галерее «Турина гора» в марте–апреле демонстрировалась персональная выставка художника Юрия Юрасова.

Художник Юрий Юрасов (1949) из породы людей, называемых перекати-поле. Родом он из Барнаула. В разные годы жил в Новосибирске, Кемерове, активно участвуя в формировании современного искусства Сибири. Последние десять лет Юрий Юрасов чередовал родной город с Москвой. Присутствие

живописца в Барнауле вполне конкретно ощущалось: разного рода выставки и даже два крупных персональных выступления. В настоящее время Юрасов воспринимается столичным жителем.

Алтайский период творчества получился чрезвычайно плодотворным, сложным, и мы решились бы назвать его «гениальным». Это очень неправильный, надстроечный, барочный период. Вкратце его можно охарактеризовать плодотворным «сидением на двух стульях». Юрасов заново в иной пластической системе открывает алтайские

и барнаульские реалии. Картина «Февраль. Сиеста» (2009) — шедевр ироничной образности. Художник отказывается от чертежного, правильного, рисунка и смело переходит к контурной линии, которая имеет свойства утолщаться; схожие метаморфозы происходят и с объемами предметов.

В один из приездов в Москву Юрий Юрасов попадает на выставку Амадео Модильяни. Он не сразу принимает французского живописца, однако позже заболевает его творчеством, даже пишет портрет Модильяни, который при ближайшем рассмотрении оказывается автопортретом Юрасова. Лукавая эстетика прославленного модерниста влияет на образную систему Юрия и проявляется в алтайских работах. Ранее барнаульский художник отдавал дань памяти гуру примитивизма Пиросмани. Говоря о сложности алтайского периода, мы нисколько не преувеличиваем. Помимо модернистских исканий, автора увлекают и пост-модернистские игры — тут не без влияния московских музеев. У Юрасова появляются камер-версии «Красных коней», «Черного квадрата» и других легендарных полотен. Его авторскую манеру отличают гротеск, неопримитивизм, порой безжалостный сарказм, что особенно удивительно, по отношению к женским ню. С героями у художника тоже все в полном порядке: Иисус Христос, Александр Пушкин, упомянутый Амадео Модильяни, Василий Шукшин. На протяжении всего алтайского периода художник демонстрирует отсутствие единого ясного начала, его привлекают разнообразными, порой разнонаправленные темы, почвенные и космополитические, которые Юрасов дерзко смешивает, завязывает новый гордиев узел современного искусства.

Галерея «Турина гора» собрала экспозицию на основе трех частных коллекций, в том числе в нее вошли работы из коллекции галереи. Выставка получилась на редкость исчерпывающей. Старые работы максимально смогли рассказать о былых подвигах и заслугах художника Юрия Юрасова. Отметим присутствие особенно значимых крупных произведений автора, без которых представить современное изобразительное искусство Алтая невозможно: «Пушкин. Пиковая дама» (2009), «Я тот, кто я есть» (2013) (картины в разное время были опубликованы в журнале «Культура Алтайского края»).

Персональная выставка, организованная по инициативе галереи «Турина гора», напрямую не связана с конкретной датой в жизни Юрия. Экспозиция стала гимном творческому десятилетию в биографии художника. Получит ли продолжение это художественное мероприятие через год в формате полноценного юбилея? В настоящее время Юрий Юрасов один из самых известных сибирских художников и занят организацией своих выставок за границей. ■

Дмитрий Золотарёв

Юрий Юрасов. *Летнее утро*. 2014. Фото Дмитрия Золотарёва

Музей «Город»

Уходящая натура

В музее «Город» в апреле-мае проходила персональная выставка художника Михаила Карнаева «Впечатление».

Прежде Михаил Карнаев, еще в статусе бийского живописца, провел в Барнауле три значимых вернисажа (2001, 2011, 2013). Особенно плодотворными были его выставочные проекты в тандеме с художницей Екатериной Дёмкиной. Для Барнаула Михаил Карнаев человек не чужой, его профессиональное становление и развитие проходило и фиксировалось на наших глазах. С недавних пор Михаил — житель Новосибирска.

«Впечатление» — выставка-ретроспектива. Живописец максимально представил собрание своих работ, исполненных на протяжении двух последних десятилетий. Собранные вместе старые и новые пейзажи выглядят неожиданно контрастно. Возникает обманчивое впечатление, что выставку делали два художника. С оглядкой на классическое искусствознание так и хочется выделить основные этапы творчества художника. Самостоятельные периоды приходятся на нулевые и, соответственно, десятые годы. Первый творческий

Михаил Карнаев. *Мост Александра III. Париж. 2016.*
Фото Дмитрия Золотарёва

период — время профессионального становления, открытие природы Горного Алтая. Второй, который и сейчас находится в стадии активного продвижения, — туристическая живопись. Место привычных алтайских ориентиров Михаил Карнаев демонстрирует открытость всему миру, и Западной Европе в частности. Туристическая живопись — это всегда идеальная открытка. Выросло целое поколение алтайских художников не равнодушных к красотам зарубежных кисельных берегов. Здесь нет негативной оценки, таковы реалии художественного процесса. Михаил Карнаев ярко раскрывается именно как художник-турист.

Экспозицию составляет огромный массив этюдов-пейзажей. Отдельные пейзажи-картины и редкие цветочные натюрморты не играют важной роли. Новых работ на выставке немного, однако в мозаичном выставочном раскладе этот промах остался незамеченным: экспозиция оставляет емкое фоновое впечатление. Проект Михаила Карнаева, по нашему мнению, имеет внутреннюю драматургию, авторские перекрестные диалоги, что, несомненно, повышает значимость художественного мероприятия.

Художнику мы желаем всех благ и дальнейших успехов уже в роли ведущего сибирского художника-пейзажиста. ❏

Дмитрий Золотарёв

Музей «Современные изобразительные искусства на Дмитровской»

«PITER» Николая Зайкова в Ростове-на-Дону

В музее «Современные изобразительные искусства на Дмитровской» города Ростова-на-Дону с большим успехом прошла выставка известного в Сибири графика Николая Зайкова.

Впервые зрители Южного федерального округа познакомились с современным искусством Алтайского края. Художник был приглашен

Михаил Карнаев. *Родничок в Манжероке. 2011.* Фото Дмитрия Золотарёва

в Ростов-на-Дону с персональной выставкой в рамках параллельной программы IX Международного конкурса-биеннале архитектурного рисунка, на котором, к слову сказать, Николай получил диплом «За вклад в развитие графического искусства». На биеннале в Ростове-на-Дону собрались ведущие российские и зарубежные специалисты в области архитектурного рисунка. География участников проекта оказалась чрезвычайно широка: от Санкт-Петербурга до Владивостока и Бишкека.

На конкурсе Николай Зайков, профессор кафедры изобразительного искусства Института архитектуры и дизайна Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, представлял также работы своих студентов. Ученики завоевали тринадцать наград разного уровня и заняли четвертое общекомандное место.

Международный конкурс-биеннале архитектурного рисунка среди студентов архитектурно-дизайнерских и художественных специальностей является уникальным проектом, почти двадцать лет он проводится в разных городах страны при поддержке Министерства образования и науки, Союза архитекторов, Союза дизайнеров и Союза художников России. В этом году организатором конкурса вновь выступила Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета.

О проекте Николая Зайкова «PITER» не раз писали искусствоведы и журналисты, с ним хорошо знаком алтайский зритель. Художник придумал и осуществил его вместе с дизайнером Романом Новожиловым и искусствоведом Андреем Кузнецовым в Барнауле в 2013 году. Выставка демонстрировалась в Новосибирске (2014), Санкт-Петербурге (2015), Красноярске, Новокузнецке и Омске (2016).

- Николай Зайков — один из наиболее заметных рисовальщиков нового поколения. Каждая его выставка способна удивить и вдохновить, — считает один из соавторов проекта на начальном этапе, художник и искусствовед из Новосибирска Андрей Кузнецов.

Петербург — город мифов, легенд и сакральных тайн, буквально неизменно манит художников. Не стал исключением и Николай. Зрители Ростова-на-Дону с восторгом открывали для себя «PITER» Зайкова. В экспозицию музея вошло более 40 графических листов разных лет, выполненных на пленэре в Санкт-Петербурге, а также пространственная инсталляция.

- Я, признаюсь, испытывал нешуточное волнение перед открытием. Мне предстоял, по сути, экзамен высочайшего уровня, который, к счастью, я выдержал, — признается Николай Зайков.

На открытии присутствовали и выступали известные художники и искусствоведы из Ростова-на-Дону, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Томска.

Афиша выставки Николая Зайкова

- Вернисаж постепенно перешел в заинтересованный разговор, обмен мнениями и обсуждение выставки, благо администрация музея (который, кстати, специально для выставки работал в свой выходной день) не ограничивала публику во времени. Все это сильно отличалось от привычных мне форматов открытий и не было формальностью. В своем выступлении директор музея Марина Приходько отметила, что выставка алтайского художника в Ростове-на-Дону проходит впервые. Было сказано очень много теплых слов в мой адрес, профессионально разобрана экспозиция, был затронут широкий спектр тем, связанных с архитектурным рисунком и графикой вообще, художественным образованием и визуальным искусством. В заключение, высоко оценив мой выставочный проект «PITER», Алексей Лопато предложил развернуть его на площадке Уральского центра развития дизайна в Екатеринбурге — одной из самых современных и динамично развивающихся культурных площадок Урала, — делится впечатлениями Николай Зайков. ■

Наталья Царёва

В музейную ночь, 19 мая, картинная галерея «Нагорная» в Барнауле впервые представила уникальную художественную коллекцию Шипуновского краеведческого музея

Константин Максимов. *Старый рыбак (Алексей Фёдорович)*. 1970-е годы. Холст, масло. 110x150.
Фотоиллюстрации Александра Волобуева

Шипуновские шедевры

текст **Любовь Шамина**

Почти все живописцы, работы которых входят в экспозицию, имеют почетные звания «Заслуженный художник РСФСР» (СССР), «Народный художник РСФСР» (СССР) или позже, России. Назову несколько имен: Константин Максимов, Иван Варичев, Геннадий Дарьин, Леонид Тихомиров, Олег Ломакин,

Александр Бурзянцев, Аркадий Егидис; из алтайских мастеров — Леопольд Цесюлевич, Михаил Жеребцов, Фёдор Филонов. К сожалению, Жеребцов и Филонов не получили званий, но вполне их заслужили. Сегодня оценка их творчества поднялась на небывалую высоту.

Шипуновская выставка, организованная в галерее «Нагорная», стала последней в составе феноменального проекта «Шедевры живописи Алтайского края», инициатором которого выступила картинная галерея «Кармин» Сергея Хачатуряна. С 2007 года здесь экспонировались живописные сокровища Бийска, Рубцовска, Камня-на-Оби, Михайловского, Павловского, Родинского, Волчихинского районов. Коллекциям сельских галерей дана искусствоведческая оценка: изучена история формирования и определена ценность собраний, изданы научные каталоги.

Выставка «Мир художественных образов в коллекции Шипуновского краеведческого музея» планировалась на 2015 год, но к этому времени галерея «Кармин» закрылась, и знакомство с шедеврами из Шипунова состоялось через три года.

Представляя шипуновскую живописную коллекцию, нельзя не проявить интерес к истории комплектования ценнейшего собрания, которому скоро исполнится пятьдесят лет. Мне вспоминается творческая поездка в колхоз им. Ф.М. Гринько Шипуновского района. Путешествие было связано с подготовкой альбома «Свет Родины» алтайского художника Андрея Вагина, выпуск которого приурочивался к тридцатилетию целины. В колхозе мы побывали вместе с Андреем Григорьевичем, встретились с первыми целинниками, увидели преображенные, а когда-то пустынные, заброшенные места. Альбом благополучно вышел в 1986 году и стал основой изучения творчества Андрея Вагина.

И все-таки о художественной коллекции. В шипуновской гостинице мы встретились с удивительными людьми, энтузиастами музейного дела Ильёй Иосифовичем Фомченковым и Григорием Ивановичем Никульшиным. С ними был и Владимир Каминский, художник из Барнаула, и, как выяснилось, дизайнер нового здания краеведческого музея, построенного по специальному проекту. Оказалось, что мы приехали в Шипуново в период сбора под музейную крышу экспонатов, размещенных на период строительства по всему району. Музейщики, узнав о приезде в район художника и искусствоведа, пригласили нас посмотреть здание и часть музейного фонда. Оценка всего, что мы увидели, была самой высокой. И, прежде всего, поразило здание, не приспособленное, а специальное, музейное, первое в Алтайском крае. Можно предположить, что фанатично преданные своему делу музейщики смогли убедить авторитетного, заслуженного Василия Тимофеевича Христенко, кавалера Ордена Славы трех степеней, тогда первого секретаря Шипуновского райкома партии, в необходимости уникального проекта. Это славная история района, решение проблемы духовного дефицита в современном обществе. И нет сомнений, что помогали в комплектовании коллекции музея постановления

о повышении культуры сельского населения и правительственные связи Василия Христенко в Москве. А наш Алтай — это хлеб, целина. Поэтому и открылись запасники Министерства культуры, где хранились лучшие произведения советских художников, приобретенные на всесоюзных и всероссийских выставках. Возможно, так сформировалась и законсервировалась на долгие годы шипуновская коллекция.

И снова помог случай приблизиться к художественному отделу Шипуновского музея. В галерею «Кармин» на каждую выставку приходили мама и дочка, Антонина Владимировна и Галина Батюк. Галя мечтала стать искусствоведом, что и осуществилось: ее интересные, глубокие, профессиональные статьи сегодня появляются в печати, в том числе и в журнале «Культура Алтайского края». На очередной встрече Антонина Владимировна случайно обмолвилась о предстоящей поездке по делам в Шипуново. Я вспомнила о своей далекой творческой командировке и попросила ее зайти в музей и посмотреть живописную коллекцию. Антонина Владимировна не просто зашла, а отсняла на фотоаппарат работы художественного отдела. Фотокопии не оставляли сомнений в том, что шипуновское собрание необходимо представить в столице края, прекрасные картины вовсе не известны Барнаулу. Позже, готовясь к выставке в галерее «Кармин», вместе с Галиной Хачатурян мы побывали в Шипуново и ближе познакомилась с шедеврами живописного фонда.

Огромная благодарность руководителям района, директору и хранителям музея, всем тем, кто предоставил возможность увидеть коллекцию картин высочайшего профессионального уровня жителям Барнаула в галерее «Нагорная». Организационные хлопоты —

Иван Варичев. *Улица в Старой Ладоге.*
1972. Холст, масло. 82х100

Фёдор Филонов. Пейзаж с коровами.
1987. Оргалит, масло. 74x90

доставку произведений, устройство экспозиции и открытие вернисажа, прекрасно вписавшегося в музейную ночь, взял на себя директор галереи Роман Фукс, а материальную помощь оказала Сибирская Генерирующая компания.

Предлагаю хотя бы немного приблизиться к уникальной коллекции, которая гостила в Барнауле до 19 июня.

Одна из лучших работ выставки — «Старый рыбак (Алексей Фёдорович)», написана в 1970 году художником Константином

Мефодьевичем Максимовым (1913–1994). Живописец, педагог, профессор, народный художник РСФСР, лауреат двух Сталинских премий. Он окончил Суриковский институт в Москве, учился у Георгия Ряжского, преподавал в Китае, где признан основателем современной реалистической китайской школы живописи европейского направления. Максимов развивал лучшие традиции реалистической школы живописи. Портрет — один из любимых его жанров. Художник стремится передавать на холсте не только внешнее сходство, он создает образ, познавая внутренний мир человека. Максимов пишет рыбака за работой, на фоне моря. Композиция, рисунок, цветовая гармония создают не просто портрет, а жанровую картину. Ее главный герой воспринимается яркой, сильной личностью. Перед нами картина-шедевр. Сам художник говорил: «Настоящее портретное искусство, где человек и только человек является предметом внимания художника, требует глубокой мысли, содержательности замысла».

Не менее интересен «Портрет художника В.Я. Литвинова (1925–1999)» работы Аркадия Егидиса (1932–2003), заслуженного художника России, также выпускника института им. В.И. Сурикова. Холст крупного размера (117x85), написан в 1972 году. Владея в совершенстве профессиональным мастерством, Егидис создает убедительный образ художника, друга.

Геннадий Дарьин. Перед сплавом. 1969. Холст, масло. 80x125

Олег Ломакин. Портрет заслуженного строителя г. Ленинграда Александры Федотовой.
1964. Холст, масло. 125x110

Широко представлены в алтайских художественных коллекциях работы заслуженного художника РСФСР Олега Ломакина (1924–2010). «Портрет заслуженного строителя г. Ленинграда Александры Федотовой» (1964) его кисти вошел в фонд Шипуновского музея, в Павловской картинной галерее обнаружилась его жанровая картина «В электричке» (1963), а в Михайловской — «Портрет художника Н. Мартынова» (1971).

Шипуновская работа Ломакина сочетает портрет и индустриальный пейзаж.

Талантливому живописцу удалось создать привлекательный, теплый женский образ, однако с чертами уверенности и твердости характера. На выставке присутствуют великолепные пейзажные работы Ивана Варичева (1924–2016) «Улица в Старой Ладоге» (1972) и Геннадия Дарьина (1922–2012) «Перед сплавом» (1969).

В статье упомянуты лишь немногие работы уникальной выставки из коллекции Шипуновского краеведческого музея. Безусловно, нужно встретиться с подлинниками. ❏

Известный алтайский промысел
Турина гора отмечает тридцатилетие

Туриногорцы

текст **Инна Галкина**

«Турина гора — явление уникальное. Появившись на рубеже тысячелетий на Алтае, в центре Евразийского континента, она ищет точки опоры, передвигаясь во времени и пространстве разных культур, оставляя след из тысяч предметов керамического свойства в бесконечном стремлении удивлять красотой», — эти выразительные слова Владимира Москвитина, руководителя Туриной горы, вошли в буклет, посвященный двадцатилетию промысла. Буклет был издан к выставке, проходившей в Государственном художественном музее Алтайского края.

На протяжении всего развития промысла музеем был всегда одной из организаций, способствующих его становлению и популяризации. Первая «турина» выставка состоялась в ГХМАК в 1996 году.

А началось все в 1988-м, когда увлеченный и деятельный Владимир Москвитин основал кооператив «Керамика». Руководитель привлек в кооператив лучших керамистов, талантливых художников Евгения Скурихина, Елену Булатову, Владимира Артемьева, Татьяну Дедову и других. Владимир Михайлович активно и умело продвигал дело на краевом и российском уровне, утверждая новое для Алтая производство уникальных керамических изделий ручной работы. В 1997 году Турина гора получила статус народного художественного промысла (он остается единственным в Алтайском крае), а в 2001-м — народного промысла России.

Широкой популярности новой для Алтая сувенирной продукции благоприятствовал открытый Москвитиним в центре Барнаула магазин,

сочетающий в себе и функции выставочного зала.

Участие в ежегодных выставках-ярмарках «Ладья» в Москве наравне с ведущими промыслами России хохломой, гжелью, палехом, оренбургским пуховым платком, вологодским кружевом способствовало не только приобретению известности, распространению изделий, но и росту мастерства, расширению кругозора, перспективам развития. Ни одна «Ладья» не прошла без внимания к промыслу: награды, публикации, первые места; неизменно отмечались уникальность тематики и качество продукции.

Поддержка администрации края, управления по культуре способствовали выставкам-продажам в Италии, Испании, Швейцарии, Англии, Ираке, Польше, Франции, Германии.

Уже на первых этапах развития изделия Туриной горы стали желанным подарком, в том числе и для почетных гостей города и края.

Несмотря на широкий пространственный, российский и международный выставочный процесс, Владимир Москвитин понимал важность популяризации промысла через краевую художественный музей.

Экспозиция «Блуждающие огни» открылась в музее в 1996 году, «Десятая весна на Туриной горе» — в 1998, «Туриногорцы» — в 2003, «Восхождение» — в 2008. В залах музея керамические изделия создавали ощущение радости, творческой фантазии, солнечного тепла, казалось, источаемого самим материалом и росписями.

С годами все более разнообразной становилась промысловая форма. Мастерам, а в создании

Владимир Москвитин. Стражи времени. Шамот, соли металлов, цветная глазурь, эмаль, обжиг, рельеф. ГХМАК

Анжела Кононенко. Панно «Покровский собор».
Фаянс, цветная глазурь. ГХМАК

и развитию Туриной горы принимали участие более 70 художников, стали подвластны крупные интерьерные изделия: камины, фонтаны, напольные вазы, светильники, архитектурные элементы, декоративные панно и т.д. Они находили свое место в интерьерах санаториев, офисов, жилых помещений.

Важным этапом в развитии стало принятие Туриной горы в Международную ассоциацию художественных промыслов.

Благодаря выставкам и дружескому сотрудничеству формируется коллекция промысла в музее. Она составляет 60 произведений, которые отражают все этапы развития и творчество ведущих мастеров. В основном произведения были приобретены, двенадцать изделий подарены музею.

Своеобразие, особенность промысла не только в многообразии форм, но и в тематике.

Архаика — изначально одна из ведущих тем произведений. Мастера Туриной горы и прежде всего Владимир Михайлович Москвитин открыли эту тему для искусства в Алтайском крае. Темы и формы архаических культур вдохновляют Анжелу Кононенко, Светлану Милантьеву, Ларису Оспищеву, Светлану Кулагу, Ивана Миненкова и других авторов.

Значительная часть изделий воспроизводит в росписи памятники культуры Барнаула. Архитектурный пейзаж впервые использован в изделиях Альоны Пикаловой (сегодня главный художник Большого театра), а ныне виды старого города — ведущая тема промысла в панно, тарелках, вазах. В коллекции ГХМАК можно увидеть работы: «Старый Барнаул», «Женская гимназия», «Старые ворота», «Магазин под шпилем» Ларисы Оспищевой, «Покровский собор» Анжелы Кононенко, «Барнаул. Мэрия» Виктора Сидорова, «Торговый дом Полякова» Ирины Брунш.

Нивы и дары Алтая, цветы находят воплощение в работах Екатерины Колесниковой, Светланы Милантьевой и других мастеров.

Тематика росписей постоянно обновляется. Авторы посвящают произведения архитектурным памятникам не только Барнаула, но и России, прежде всего Москвы. В собрании музея хранится панно Ларисы Оспищевой «Храм в Москве». Светлану Милантьеву интересует история и великие достижения наших земляков. «Муж, делающий истинную честь своему Отечеству», «Огонь склонить слугою человека» представляют ее серию «Иван Ползунов».

Необходимо отметить, что ведущие мастера промысла Анжела

Кононенко и Светлана Милантьева удостоены звания «Народный мастер Алтая», Светлана Милантьева принята в члены Союза художников России.

В 2018 году Турина гора отмечает тридцатилетие успешного развития, этому событию посвящена юбилейная выставка, открытая в мае в музее «Город». После окончания реконструкции Художественного музея Алтайского края в его экспозициях обязательно будут представлены лучшие произведения промысла.

В развитии и продвижении народного художественного промысла немалую роль играет художественный салон и галерея «Турина гора». Здесь можно любоваться произведениями и приобретать их. Выставочный зал под креативным управлением искусствоведа Екатерины Москвитиной стал известным центром художественной жизни Алтая. Галерея популяризирует творчество художников самых разных направлений от реализма до современных, актуальных поисков и находок. На площадку приглашаются, кроме алтайских художников, авторы из городов Сибири и России. Критерии известны: новое, интересное, художественно осмысленное.

Эти же принципы позволяют развиваться уникальному промыслу Турина гора. Дело процветает благодаря таланту, художественному вкусу Владимира Москвитина и самозабвенному труду ведущих мастеров. ■

Лариса Оспищева. Кружка «Колокол».
Керамика, глазурь, эмаль,
роспись. ГХМАК

Ольга Мирончук. *Велосипед, утопающий в одуванчиковом лете*. 2018. Холст, масло. Фото предоставлено галереей

Галерея «Турина гора»

Колесо весны

В галерее «Турина гора» в мае–июне проходил, а вернее, проезжал вернисаж, посвященный велосипеду.

«Турина гора» выступила с очередным выставочным проектом, объединенным одной темой «Счастье о двух колесах». Не углубляясь в сомнительные рассуждения о заново изобретенном велосипеде, коллектив барнаульских художников убедительно смог представить с позиции наших дней свое видение известного всем транспортно-го средства. Выставка далека от прямолинейного подхода, и главное, не страдает наработанными стереотипами советского изобразительного искусства (профессиональные спортсмены или радостное детство). Особенно привлекают моменты, когда художники, одни в большей мере, а другие лишь намеком, приоткрывают свой внутренний мир, впуская в него заинтересованного зрителя.

Признаемся, выставка не только не разочаровала, а сумела по-настоящему удивить.

Вернисаж соответствует истине «Как корабль назовешь...» Велосипедная экспозиция получилась «двухколесной», с двумя смысловыми центрами. Один из них сформирован многочисленными живописными работами Евгении Октябрь. Художница вновь радует зрителя своим талантом. Работы, разные по живописи, имеют и нечто общее, вполне ощутимый аромат весны. Велосипед для художницы — это статичная конструкция, которая служит основой для декоративных композиций. Впервые на велосипеды Евгения Октябрь обратила внимание в зарубежных поездках. Они прочно вошли в ее творческий репертуар. Любопытно, что вполне конкретный велосипед буквально сошел с одной из картин Евгении, став символом для другой барнаульской галереи — «Бандероль».

За второй смысловой центр отвечали художники-супруги Николай Коротков и Лика Добровольская.

Оба работают в графике. Сближают их и особенные, стильные ретро-образы, исполненные под влиянием рекламы начала XX века. Линейная сдержанность их произведений более всего соответствует английскому духу. Так, всем привычный Барнаул в интерпретации художника Николая Короткова превращается в необычные декорации фильма с участием персонажа Доктора Кто.

Вернисаж украсили своими работами и другие участники: Владимир Каминский, Елена Волкова, Александр Андрусенко, Дарья Дёмкина, Ольга Мирончук. Дебютировала в выставочном пространстве Маргарита Романовская. Были представлены и инсталляции — творения барнаульских студентов. Запомнился серебристо-акриловый веселый букаш, захватски несущийся вдаль.

Искусствовед Екатерина Москвитина, задумавшая это художественное мероприятие, рассказала, что выбор главного выставочного героя совсем неслучаен и даже закономерен. Вначале была метла из «Всем Маргаритам посвящается» (вернисаж, проходивший в 2015 году), сейчас на смену ей пришел велосипед. Главное для тех, кто катался, по крайней мере, на одном из этих средств передвижения — это непередаваемое — хотя художники и отчаянно старались — ощущение полета. ❏

Дмитрий Золотарёв

Государственный художественный музей
Алтайского края

Картина с белым медведем

На выставке «Жизнь во имя искусства», посвященной памяти искусствоведа Ларисы Иосифовны Снитко (1928–1982) и проходившей в течение апреля–мая в ГХМАК, демонстрировалась картина, содержание которой отсылает зрителя к легендарному роману Вениамина Каверина «Два капитана».

Искусствовед Снитко была дружна со многими алтайскими и российскими художниками. Игорь Павлович Рубан (1912–1996), многие годы поддерживая дружеские отношения с Ларисой Иосифовной, помогал музею с комплектованием музейной коллекции. Он знакомил музейщиков с художниками, наследниками художников, коллекционерами, стремился сделать так, чтобы лучшие произведения известных ему московских художников попали в музейную коллекцию на Алтае. При его непосредственном участии в собрание музея поступили работы известных художников Константина Зефирова (1879–1960) и Екатерины Гольдингер (1881–1973).

Картины самого Игоря Павловича также являются подлинным достоянием музея. Семьдесят лет этот художник отдал искусству. Главные темы его творчества — природа Крайнего Севера и Антарктиды. Зоне холода и вечной мерзлоты, подвигу людей, покоряющих эти земли, художник посвятил сотни картин, тысячи рисунков. Из-под его пера вышли книги: «В глубь Антарктиды», «Флаг над льдами», «Без темных очков», «Севернее Чукотки». В газетах и журналах регулярно печатали

Дарья Дёмкина. *Даша в спящей лисе и Белый пес.* 2018. Холст, масло. Фото предоставлено галереей

его статьи и очерки — искусством слова Игорь Рубан владел не хуже, чем искусством живописи. В 1942 году он вступил в Союз художников СССР, а в 1966-м стал членом Союза журналистов.

Игорь Рубан — единственный художник, удостоенный звания «Почетный полярник». Его художественные произведения хранятся в более чем 30 художественных и краеведческих музеях страны и за рубежом, в том числе в Русском музее и Третьяковской галерее.

На выставке «Жизнь во имя искусства» были представлены две работы Рубана, посвященные Северу: «Зеленое сияние (лагерь спит)» (1964) и «По следам группы Альбанова» (1954). Повсюду, насколько хватает глаз, — льды и льды, тяжелое ледяное небо; среди бескрайних ледяных торосов — красивый и сильный белый медведь, властелин этих мест. Не верится, что писалась картина, как и большинство произведений Игоря Рубана, с натуры. Очевидцы свидетельствуют, что у художника есть картина, написанная на палубе судна при крене в сорок градусов, на пятидесятиградусном морозе.

Автором создана своеобразная художественная летопись освоения высоких широт, и картина с белым медведем как раз из их числа, она носит название «По следам группы Альбанова» и относит нас к героической и романтической эпохе — истории освоения Севера русскими путешественниками и исследователями. Об экспедиции 1912–1914 годов под руководством Георгия Львовича Брусилова знает, наверное, каждый, благодаря роману Вениамина Каверина «Два капитана». В преддверии празднования трехсотлетия дома Романовых шхуна «Святая Анна» отправилась из Санкт-Петербурга в арктические воды, чтобы первой пройти по Северному морскому пути. Однако у западного побережья Ямала корабль вмерз

Игорь Рубан. По следам группы Альбанова. 1954

в лед и начал дрейф в северном и северо-западном направлении. В апреле 1914 года после размолвки с капитаном Брусилковым штурман Валериан Альбанов, возглавив отряд из одиннадцати человек, покинул корабль и отправился в южном направлении. Девять человек из этого отряда погибли или пропали без вести, лишь Альбанов и матрос Конрад были спасены экспедицией Георгия Седова. Судьба тринадцати членов экспедиции, оставшихся на борту «Святой Анны», неизвестна.

Художник, побывавший в тех местах в 1954 году, написал завораживающую красотой и суровостью безжизненных мест картину и тем самым внес посильный вклад в дело памяти о пропавшей экспедиции, история которой и сегодня берedit душу многим исследователям Севера, отправляющимся искать то, что когда-то искал герой романа Вениамина Каверина Саня Григорьев.

Человек Севера, художник-полярник Игорь Рубан о себе говорил скромно: «Если мне в моих работах, картинах, натуральных рисунках удалось хоть немного рассказать о борьбе соотечественников с полярной стихией и их созидательном труде, то я выполнил в меру сил долг художника».

Наталья Царёва

Государственный художественный музей
Алтайского края

ХОЛСТЫ И КУКЛЫ

Государственный художественный музей Алтайского края в год своего 60-летия в рамках всероссийской акции «Ночь музеев — 2018» решил удивить зрителей уникальным выставочным проектом «Куклы в зеркале художественных полотен».

Выставка реализована совместно с многолетним партнером, благотворителем музея —

галереей ювелирного искусства «Частная коллекция». Ее директор Нина Глушакова на протяжении многих лет многосторонне поддерживает самые смелые выставочные проекты Государственного художественного музея Алтайского края. Далеко не каждый бизнесмен обладает особым даром инициативы, интуиции видеть и делать то, что важно для развития культуры. Нина Михайловна достойно продолжает российские традиции благотворительности и меценатства.

Художники-кукольники России и Эстонии взяли за основу образы, исполненные на холстах Константином Маковским, Иваном Макаровым, Павлом Чистяковым, Николаем Богацким, Фёдором Сычковым, Валентином Серовым, Кристиной Робертсон, Геннадием Боруновым, Владимиром Терещенко, Еленой Романовой, Владимиром Проходой и другими художниками, работы которых входят в собрание Государственного художественного музея Алтайского края. Постоянные посетители музея сразу узнают в куклах любимых героев живописных полотен XIX — начала XXI века.

Творчество Светланы Дубодел (Москва), Ирины Мещеряковой (Москва), Елены Ковалюк, Елены Коверзневой (Новосибирск), Алланы Швайликовой (Туапсе), Светланы Ветровой (Кохтла-Ярве, Эстония), Светланы Петриной (Прокопьевск), Татьяны Денисовой (Новокузнецк), Татьяны Мозжеринной (с. Бобровка, Алтайский край), Татьяны Плотниковой (с. Ая, Алтайский край), Татьяны Калининой (Барнаул) известно зрителям по проектам «Характеры» (2009), «Драгоценные фантазии» (2011), «Кукольные истории в советском кино» (2016), реализованным музеем в прошлые годы.

В 2018 году в выставочном проекте впервые приняли участие известные сибирские кукольники: Галина Кононыхина (Новокузнецк),

Галина Кочкина (Алтайский край), Валентина Килина, Алла Сербина, Юлия Троценко (Новосибирск), Наталья Телевных (Ачинск) и начинающие авторы кукол Ирина Песикова, Марина Хихлова (Барнаул).

О художественных куклах удивительно точно сказал Константин Бальмонт: «Вся цель их действия — только красота».

Каждая из кукол, представленных на выставке, существует в единственном экземпляре, они выполнены в различных техниках: фарфор, дерево, папье-маше, современные полимерные материалы. В изготовлении костюмов и аксессуаров использованы антикварные и современные дизайнерские ткани. Кукольники — универсальные мастера, освоившие на высшем уровне ремесла скульптора, художника, модельера, портного, ювелира, столяра. А в жизни — это обычные люди разных специальностей и профессий: экономисты, юристы, учителя, доктора, медсестры, отчаянные мамы-домохозяйки, успевающие и петь колыбельные, и рассказывать сказки, и мастерить куклу.

Прямое заимствование образа из живописных полотен довольно актуально для художников-кукольников. Однако авторы не копируют один в один картинные прототипы, они их переосмысливают и создают в другой художественной системе.

Созданию авторской куклы предшествует большая творческая работа, связанная с изучением биографии художника и исторической эпохи. В проекте «Куклы в зеркале художественных полотен» представлены образы знаменитых людей XVIII–XIX веков: княгини Марии Фёдоровны Барятинской, князя Александра Михайловича Горчакова, Варвары Николаевны Львовой ребенком, Марии Александровны Бутиной, Екатерины Ивановны Соймоновой и др.

Художественный музей Алтайского края осуществил необычный проект, который запомнится надолго. ❏

Людмила Корникова

Анатолий Левитин. Портрет Жени Левитиной. 1989.
Кукла Натальи Телевных (Ачинск)

Борис Гринин. Подарок. 1954. Кукла Елены Коверзневой (Новосибирск)

Союз художников Алтайского края впервые провел выставку «Поэзия тела», она пришла на смену традиционному мартовскому вернисажу «Белый танец». В новом проекте главное место отведено жанру «ню»

Нескучная выставка

текст **Александр Рыжов**

Екатерина Дёмкина. **В танце Катуня**. 2009. Холст, масло

Экспозиция «Поэзия тела», состоявшаяся в выставочном зале музея «Город» и приуроченная к женскому дню, прозвучала как гимн женской обнаженной натуре. Лучшими работами однако стоит признать те, авторы которых делают акцент на поэзии, а не на теле, и применяют приемы аллегории или метафоры, которыми так охотно пользуются поэты. На наш взгляд, заявленной теме наиболее точно соответствуют символическая живопись Веры Бочковской, аллегорический цикл «Времена года» Евгения Олейникова. Одной из самых заметных следует

назвать картину-метафору «В танце Катуня» Екатерины Дёмкиной. Хорошо вписывается в изобразительный ряд крупноформатное полотно Ильбека Хайрулинова «Пора цветения кувшинок», где образы обнаженных девушек на берегу водоема, как ни странно, вызывают ощущение целомудренности и невинности. Весьма поэтично воспринимаются образы Валентина Шипило. Его воздушная импрессионистическая живопись (особенно произведение «Размытые мечты») хорошо рифмуется с темой выставки. А вот в произведениях Альфреда Фризен

(«Обнаженная», «Модель») чувствуется иная поэзия — футуристическая, в которой главенствует математическая симметрия.

Экспозиция, увы, небогата портретами (авторы Михаил Будкеев, Иван Быков, Сергей Маркин). В ряду zapomнившихся портретные произведения Ольги Мирончук («Рябиновый сон», «Судьба непростая»); образы, созданные художницей, воспринимаются как одухотворенные лики, возвышенные над миром телесного, бренного.

Раздел скульптуры оказался невелик и не представил новых имен. В очередной раз смелыми идеями, воплощенными в деревянной пластике, радуют Сергей Мозговой и Иван Мозговой. И если отец воспринимает женскую пластику («Танец огня») лирично, то в скульптуре сына женские образы ближе к инферальному миру, будто родом из ночного кошмара.

Удачей, маленьким чудом экспозиции стали куклы Марины Хихловой (Новоалтайск). Работы «Снежок идет» и «Художница» демонстрируют безусловный художественный потенциал авторской куклы, которая, к слову, уже давно является сферой интересов коллекционеров искусства.

Графика Инги Бутиной расположилась неподалеку от кукол, вероятно, не случайно. «Царевна-лебедь» и «Три грации» радуют любителей сказочно-фантастических женских образов, которые как раз легко могут воплотиться в кукол.

Выставку «Поэзия тела» сложно представить без натуральных зарисовок: легкий полет штриха, плавные изгибы линий и есть самый подходящий изобразительный язык для заданной темы. В собрании графики представлены натурные наброски маститых авторов: Юрия Кабанова, Евгения Скурихина, Владимира Максименко, Людмилы Рублёвой, Дмитрия Петренко.

Неэротичным настроением выделяются натурные рисунки Василия Рублёва. В отличие от вышперечисленных произведений они, скорее, проза, нежели поэзия. Обнаженная натура у Рублёва всегда глубоко индивидуальна, оригинально пластична. Четкие, с нажимом, линии на рублевских рисунках подобны фрагментам сжатой пружины — столько в них динамики.

В целом выставка получилась нескучной. Однако нетрудно заметить и стереотипность подходов к теме: большая часть авторов ассоциирует поэзию тела лишь с абрисом, изгибами женского стана. Приходится отмечать однополюе содержание экспозиции: отсутствие мужских образов обеднило любопытный концепт.

К сожалению, не обошлось без слабых звеньев: в экспозицию попали картины и рисунки не просто «не в тему», но, что хуже, непрофессиональные по технике и построению композиции. Вероятно, выставком решил сделать аванс новичкам: дать возможность почувствовать вкус участия в большом профессиональном вернисаже. Однако эксперимент проводится не первый раз, и становится очевидным, что такой подход, наоборот, лишает участников мотивации в следующий раз сделать лучше. Проблема слабых по исполнительскому уровню работ на союзных выставках требует решения.

Большое количество картин — несомненный плюс любой выставки. Увы, в количественном изобилии невелик процент новых работ. Многие союзные авторы просто сдули пыль со старых холстов и принесли то, что было. Крайне мало произведений, созданных под новый проект. Некоторые художники по инерции, следуя запросам традиционной весенней выставки «Белый танец»,

Любовь Турова. Душа Испании. 2018. Холст, масло

проводившейся СХР много лет, принесли цветочные натюрморты и весенние пейзажи. В этот раз данное обстоятельство несколько не повредило масштабной экспозиции, наоборот, привнесло жанровое разнообразие. И все же очевидно: перемены в выставочной деятельности СХ восприняты пока не всеми художниками.

Несмотря на недостатки, начатый проектом «Поэзия тела» путь обновления не может не радовать. ❏

Евгений Олейников. Зима. Из серии «Времена года». 2007. Холст, масло

Госпиталь № 1509. 1941–1944. Возможно, здание стояло на углу пр. Социалистического и ул. Финударника (Чернышевского) в Барнауле. Фото из фондов Алтайского государственного краеведческого музея

Госпиталь в глубоком тылу

текст **Елена Клишина**

В здании № 60 по проспекту Социалистическому в 1941–1947 годах размещался госпиталь, но до недавнего времени узнать об этом прохожим и слушателям АКЦПРО не было никакой возможности — мемориальная доска была утрачена много лет назад во время одного из ремонтов. В мае 2017 года памятный знак восстановлен, а в краевом архиве найдена документация госпиталя, носившего номера 1509 и 3500.

В ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ВОЙНЫ

О том, когда именно в здание, которое с середины 1970 годов занимает Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования, въехал госпиталь, помогла вспомнить жительница Барнаула, пенсионерка Елена Ивановна Носкова. Перед войной Елена Ивановна окончила начальную (четырёхлетнюю) школу № 22

на углу Социалистического и улицы Финударника (Чернышевского). В этом здании, двухэтажном и деревянном, в годы войны также размещался госпиталь. В пятый класс Лена пошла в школу № 27 — для нее в 1939 году построили новое трехэтажное здание напротив начальной школы. Но отучилась в ней всего год, потому что началась война, и здание сразу же было отдано под эвакуогоспиталь.

— В сентябре в здании на Социалистическом, 60 уже размещался госпиталь, а нас перевели в другое здание, — вспоминает Елена Ивановна. — Мы, пионеры, часто ходили в госпитали с концертами, я читала стихи бойцам, но в госпитале на Социалистическом мне не довелось оказаться ни разу.

Зато через много лет после окончания войны, когда в здании уже разместился АКППКРО, Елена Ивановна побывала здесь в качестве преподавателя, когда читала лекции педагогам о научной организации труда.

Историк Марина Аргунова пишет в своей кандидатской диссертации «Эвакуогоспитали Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)»: «В первую очередь под организацию госпиталей отводились как наиболее подходящие здания школ, клубов, домов отдыха, в том числе здания 1936–1939 годов постройки. Поэтому и новое здание 27-й школы было передано в июле 1941 года — в первый же месяц войны».

По версии Марины Аргуновой, госпиталю был присвоен номер 1509, лечебное учреждение занимало оба здания: и деревянное на углу Социалистического и нынешней улицы Чернышевского, и новое здание 27-й школы. Позднее госпиталь был реформирован и получил номер 3500, а еще позднее, уже после войны, был преобразован в краевой госпиталь инвалидов Отечественной войны.

НАЙДЕНО В АРХИВАХ

Восстанавливать картину почти восьмидесятилетней давности удастся с трудом, и сейчас сложно судить, каким же был этот госпиталь на самом деле. Некоторую путаницу в это расследование вносит смена и номеров госпиталя, и номера здания, которое он занимал. К счастью, до нас по этому пути уже прошли историки и краеведы.

В списках госпиталей, которые были составлены краеведом Алексеем Сергеевым (они хранятся в личном фонде историка в Государственном архиве Алтайского края), указано, что госпиталь № 1509 занимал два здания: № 87 по ул. Финударника (сейчас Чернышевского) и № 64 по пр. Социалистическому (позже в связи с застройкой номер здания был изменен на 60). Госпиталь располагался в этих корпусах с июля 1941 по 1946 год, был хирургическим. С февраля 1946-го госпитали № 3500 и 1509 вошли в состав организованного краевого госпиталя инвалидов Отечественной

войны (сейчас это Алтайский краевой госпиталь для ветеранов войн).

Если посмотреть книги приказов начальника по госпиталям № 3500 и 1509, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края, то можно увидеть, что приказы до 16 октября 1944 года были сделаны по эвакуогоспиталю № 1509, а с 19 октября 1944 года — по эвакуогоспиталю № 3500. И те, и другие приказы были подписаны начальником госпиталя, капитаном, военврачом III ранга Таисией Григорьевной Джуро.

Приказом по ЭГ № 3500 от 19 июня 1945 года начальником госпиталя был назначен майор медслужбы товарищ Сапожник. Приказом № 52 от 5 марта 1946 года, уже по краевому госпиталю инвалидов Отечественной войны, на основании приказа крайздрава начальником был назначен майор медслужбы Бабушкин, а товарища Сапожника предписывалось считать сдавшим дела и ушедшим в Новосибирск.

В работе Марины Аргуновой сказано, что специализацией госпиталя была общая хирургия, нейрохирургия, урология, отоларингология.

КАДРЫ, ОКЛАДЫ, ШТРАФЫ

Какую информацию еще можно найти в книгах приказов? Самую разнообразную: от распорядка дня до подробнейшей инструкции по борьбе с педикулезом, занявшей несколько страниц убористым почерком делопроизводителя. Наиболее ценным представляется приказ от 19 января 1942 года, утверждавший штатное расписание госпиталя № 1509. В нем перечислены фамилии врачей и младшего медперсонала,

Восстановленная мемориальная доска

должности и их оклады. Так, оклад начальника госпиталя Таисии Джуро составлял 1300 рублей, а оклад рентгенолога, заведующего рентген-кабинетом Александра Овсиевского не дотягивал и до тысячи рублей (975 рублей). Оклады младшего медперсонала составляли 130 рублей. Много это или мало? В разных источниках указываются цены на продукты в годы Великой Отечественной войны, и цена булки хлеба и килограмма картофеля в свободной продаже порой превышала сто рублей.

Об Александре Овсиевском, деде известного барнаульского педагога, директора школы № 40 Александра Овсиевского, записи встречаются и в приказах по госпиталю ЭГ № 3500. К примеру, приказ от 28 сентября 1946 года предписывал считать его возвратившимся из отпуска и приступившим к работе. По словам родственников, ссылающихся на воспоминания его невестки, известного педагога Руфины Овсиевской, Александр Иванович работал в деревянном двухэтажном здании. Скорее всего, речь идет о здании начальной школы на углу Социалистического и Финударника.

Александр Иванович Овсиевский с семьей.
Фото предоставлено Ириной Овсиевской

В книге «Эвакогоспитали Алтайского края и деятельность их персонала по спасению раненых в годы Великой Отечественной войны» Алексей и Ирина Овсиевские пишут о своем родственнике, что Александр Иванович ушел на фронт на следующий день после объявления о нападении Германии на Советский Союз, работал на передовой в военно-полевом госпитале, был ранен в нем же во время бомбежки. После ранения Александр Иванович был направлен в тыл по инвалидности, вернулся в Барнаул, где жил до начала войны, и стал работать в госпитале. О месте его работы в книге сказано так: «Госпиталь был большой, на 400 койко-мест, хотя численность раненых часто превышала это число. Не во всех госпиталях были рентгенологи, поэтому приходилось работать по 14 часов (в сутки)... С декабря 1942 по ноябрь 1947 года Александр Иванович был начальником рентгеновского кабинета эвакогоспиталя № 1509, пока тот не был расформирован».

Также из записей в книгах приказов можно судить о том, насколько строгой была дисциплина в этих госпиталях. Почти ежедневно персонал получал выговоры за грубость (официантка столовой, к примеру), изредка — за некачественное приготовление пищи (повар за недоваренный горох), иногда выносили выговор прачкам за плохую стирку белья больных и халатов медперсонала. Выговора «за интимное сидение с ранбольным на диване в коридоре в 4 часа ночи» была удостоена санитарка Свиридова. Пациентам тоже доставалось: за отказ от стрижки (профилактика педикулеза), карточные игры и самовольные отлучки из госпиталя. За последнее нарушение полагалось несколько суток «домашнего» ареста и штраф, удерживаемый из денежного довольствия ранбольного.

В этих книгах часто встречаются приказы хозяйственного содержания: например, принять на фуражное довольствие лошадей или на основании справки ветслужбы списать мерина такого-то как умершего, усилить работу по подготовке семенного материала картофеля, а за ненадлежащую работу — снова выговор. Есть также грозный по содержанию приказ, обращенный к персоналу и ранбольным, относительно забитой кем-то канализации. В нем даже было указано, чем именно забитой: стеклянной банкой и большим комом ваты. Впрочем, строгость понятна: канализация — весьма важная коммунальная система, и для работ по ее устройству (ремонт) периодически привлекались рабочие, которые так и назывались в приказах — «рабочий канализации».

Интересно, что приказы, издаваемые к красным дням календаря — 23 февраля, Восьмому марта и Первомаю, печатались на машинке, а все прочие записывались в журнал синими или черными чернилами. Праздничный приказ, как правило, начинался с пересказа

Слушатели курсов краевого института усовершенствования учителей в 1980 году сфотографировались на память, за ними видна мемориальная доска (справа)

обстановки на фронтах, а заканчивался объявлением благодарностей наиболее отличившимся сотрудникам.

Приказы о том, что госпиталь № 3500 реформируется в краевой госпиталь инвалидов Отечественной войны, стали появляться ближе к концу 1945 года. «В связи с переходом госпиталя на краевой госпиталь инвалидов Отечественной войны штат поваров сокращается, на основании вышеуказанного сократить с 15 декабря 1945 шеф-повара Качалову Ф.Д.», — сказано в приказе № 231.

Подобные приказы появлялись и в 1946 году.

«В связи с ликвидацией эвакогоспиталя 3500 и сокращением должности начальника ОВС (отдела вещевого снабжения), а также сдачей вещевого имущества... Бровик И.Я. освободить от работы». № 159.

«В связи с переименованием госпиталя из эвакогоспиталя 3500 в краевой госпиталь инвалидов Отечественной войны, приказываю все

имеющиеся штампы на складах т.т. Бердник, Журавлевой, Луцкевич, предыдущих госпиталей, а именно 1509, 3500, сдать в трехдневный срок ст. бухгалтеру для обмена на новые штампы». № 172.

Оба этих приказа были внесены в книгу майором Бабушкиным в июле 1946 года с интервалом в несколько дней.

ИЗ МЕДИЦИНЫ — В ОБРАЗОВАНИЕ

История госпиталя № 3500 (ранее 1509) завершилась в ноябре 1947 года, когда исполком Алтайского краевого совета депутатов трудящихся принял решение № 1043 об объединении госпиталей № 3500 и 1511 в краевой госпиталь и передаче освобождающихся помещений по ул. Социалистической, 60 (скорее всего, это ошибка, и речь идет о проспекте) и ул. Алтайской, 75 школе по подготовке руководящих колхозных кадров. ■

Александр Родионов во дворе своего дома. Фото Александра Волобуева

С РОДИОНОВЫМ

24 мая в краевой библиотеке им. В.Я. Шишкова прошли VI Родионовские чтения, впервые в формате краеведческой конференции

В адрес чтений были поданы 12 докладов, за круглым столом прозвучали девять. Почти все краеведы выступали с новыми темами, интересными, объемными, тщательно сделанными. В составе жюри работали: журналист, член Союза писателей РФ Сергей Тепляков, краевед Сергей Ужакин, заместитель директора по научной работе ГМИЛИКА Елена Огнева, заведующая отделом краеведения краевой библиотеки им. В.Я. Шишкова Ольга Малышко, главный редактор журналов «Алтай» и «Культура Алтайского края» Лариса Вигандт.

Друзья Александра Михайловича инкогнито учредили две денежные премии, которые по итогам конференции получили Борис Бабарыкин за работу «Александр Михайлович Родионов. Родословная» и Ирина Заречнева за открытие, связанные с барнаульской аптекой Крюгер.

Андрей Краснощёков («Судьба первого алтайского авиатора. Попытка реконструкции») и Александр Зимирев («Тайны демидовских печатей») награждены пятитомниками «Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX вв.»

Еще пятеро участников: Галина Бледных («Загадки старой Горы в Барнауле»), Евгений Платунов («Футурист, сын толстовца. О Константине Олимпове»), Оксана Сидорова («Жизнь и творчество В.М. Шукшина в произведениях алтайских художников-графиков. На примере

собрания ГХМАК»), Виктор Суманосов («О первом директоре барнаульского драмтеатра Александре Чарине и его родственниках»), Татьяна Мальцева («Карта расселения старообрядцев на Алтае») — получили в подарок двухтомники «Алтайские писатели — детям».

Книги предоставлены управлением Алтайского края по культуре и архивному делу.

Татьяна Мальцева произнесла в своем выступлении фразу, которую с момента ухода Александра Михайловича повторяют многие его друзья и соратники: «Родионов умер — поговорить не с кем». Так и есть, и вот что имеется в виду. Историки, принявшие участие в чтениях, занимаются разными темами: судьбами белых офицеров, топонимикой Барнаула, геральдикой, историей театра и литературы, старообрядческой культурой...

А Родионов был универсален: с каждым исследователем мог говорить о его интересе и направлять в нужное поисковое русло.

Не случайно Родионовские чтения совпали с Днем славянской письменности, Александр Михайлович — их родоначальник в Барнауле и Алтайском крае.

Журнал «Культура Алтайского края» публикует исследовательские работы Бориса Бабарыкина, Александра Зимирева и Виктора Суманосова.

Лариса Вигандт

Александр Михайлович Родионов. Родословная

текст **Борис Бабарыкин**

Среди нескольких тысяч родословных и биографических справок, написанных мной за последние 12 лет, есть одна особо ценная и близкая для меня работа — материалы родословной моего наставника и, как мне хочется считать, старшего товарища — русского писателя, историка, исследователя-просветителя Александра Михайловича Родионова.

Спустя пять лет после его смерти, осмысливая знакомство и общение с ним, я могу с уверенностью сказать, что он был для меня одним из немногих «учителей жизни», оставившим большой и, несмотря на его непростой творческий характер, положительный след в моей судьбе. Александра Михайловича, наряду с моим «научным отцом», доктором исторических наук Валерием Анатольевичем Скубневским, я действительно считаю человеком знаковым, во многом повлиявшим на формирование и развитие моих исследовательских интересов.

В 2016 году ко мне обратилась дочь Александра Михайловича Вероника с просьбой помочь в сборе материалов по составлению «Семейного древа» по материалам Государственного архива Алтайского края.

Общаясь с Михалычем, я был в курсе его семейной истории, истории его родителей и личной жизни. Александр Михайлович на несколько лет старше моего родного

отца, его мама — Родионова Татьяна Леонтьевна, одногодка моей бабушки, его деды — ровесники моих прадедов. Так уж получилось, что, несмотря на разницу в возрасте, между нами завязалось общение на почве тяги к познанию родного края, страны, присущей обоим любви к путешествиям (ибо мы оба «ходячие» люди) и интересу к судьбе человека (цельным людям и характерным проявлениям человеческих натур).

Александр Михайлович интересовался родословной, знал четыре колена своих предков (так мало лишь потому, что все они являлись переселенцами в Алтайский округ). О его интересе свидетельствует шестипоконная родословная роспись, составленная им для сына Николая 12 апреля 1994 года.

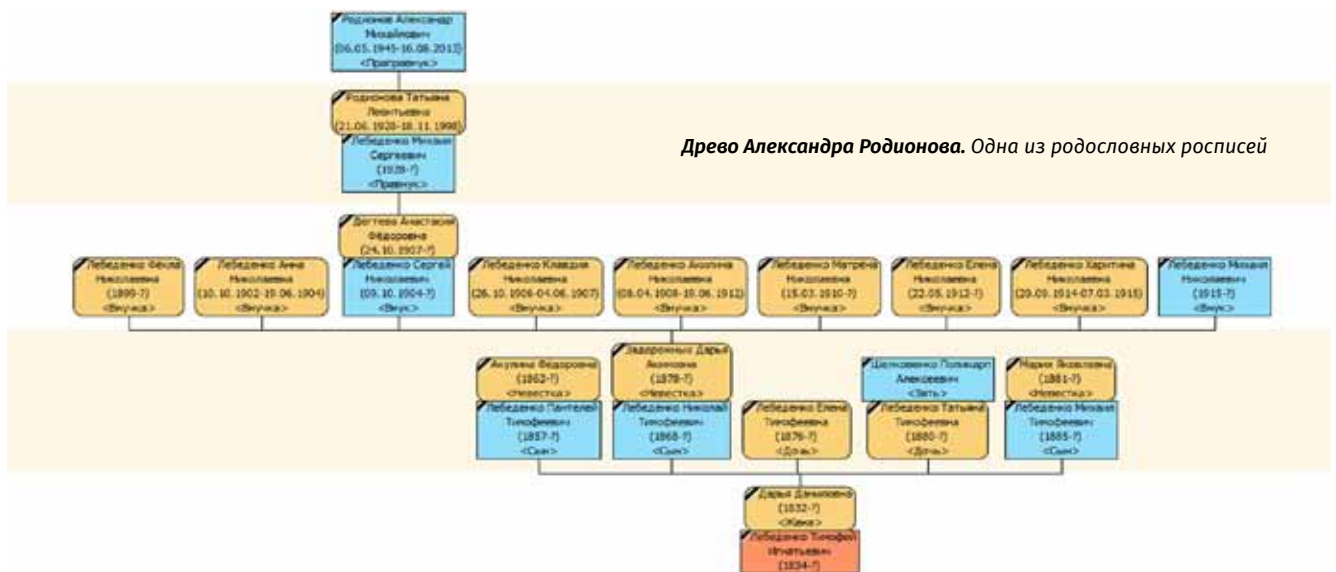
Также следует сказать, что Родионов — это фамилия мамы Александра Михайловича — Татьяны Леонтьевны. Его отец, Михаил Сергеевич Лебеденко, — участник Великой Отечественной войны. Брак Михаила Сергеевича с Татьяной Леонтьевной не был оформлен официально и поэтому Александр Михайлович с рождения носил материнскую фамилию.

Большое значение в жизни Александра Михайловича имела его бабушка — Марфа Яковлевна Родионова, в девичестве Черкашина.

Александр Родионов (для меня просто Михалыч) — человек

одаренный, творческий. Несомненно, он оставил яркий след в литературе, истории и общественной жизни родного края. Его предки: Лебеденко, Родионовы, Черкашины, Елисеевы, Дёгтевы, Задорожных — обычные, крепкие, работающие, рукастые и смекалистые украинские и русские крестьяне, переехавшие на Алтай в конце XIX — начале XX века из Харьковской, Курской, Тамбовской и Рязанской губерний. Все они встретились в заселке Титовском (Ново-Александровском) Локтевской волости Змеиногорского уезда (ныне — Егорьевский район Алтайского края).

На основе работы с Анкетами сельскохозяйственной переписи Российской империи 1917 года, Алфавитными списками переселенцев, Посемейными списками переселенцев и Метрическими книгами, хранящимися в Алтайском краевом архиве, я составил шесть родословных росписей. В них внесены не все представители семей, родившиеся и жившие в советский период. Настоящее исследование имеет лишь начальный статус и, конечно же, должно быть продолжено в сторону расширения и углубления. Для этого требуется работа с материалами архивов областей Центральной России и современной Украины. ■

Тайны демидовских печатей

текст Александр Зимирев

В августе 2016 года сотрудники Государственного архива Алтайского края отправились в однодневную поездку в Змеиногорск. Мы добрались до Музея истории развития горного производства имени Акинфия Демидова. Честно говоря, я оказался здесь впервые. Во время экскурсии я обратил внимание на генеалогическое древо рода Демидовых. По центру стенда был изображен герб известной фамилии. Стыдно признаться,

и поисковое время было крайне ограничено, то задача была простой: просмотреть максимальное количество дел. В таких условиях найденные оттиски печатей измеряются, фотографируются, а остальная атрибутика откладывается до лучших времен. Вот и в тот раз, найдя гербовую сургучную печать, которая пострадала от времени и немного разрушилась, я лишь измерил то, что осталось от оттиска,

чешу затылок и понимаю, что, скорее всего, я обнаружил печать самого Акинфия Никитича Демидова.

Что, собственно, представляет собой печать? Печать сургучная, обломанная с краю, примерно 20 мм в диаметре. На печати изображен парадный дворянский герб рода Демидовых.

Описание герба Демидовых есть в Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи: «В щите, разделенном горизонтально золотой полосой, в верхней части в серебряном поле изображены три зеленые лозы рудоискательные. В нижней части в черном поле виден серебряный молот. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом. Намет на щите серебряный, подложенный зеленым».

Таким образом, можно предположить, что я нашел оттиск личной печати Акинфия Демидова.

Однако из этой версии выбивается наличие на печати еще нескольких букв. Над именем «Акинфея» имеются буквы «Х» или «П» и «Д», а под ним буквы «Н Е (или С) Д».

Что означают эти буквы? Вариантов множество. Например, если верхние буквы читать, как П и Д, то можно подумать, что это сокращение от «Печать дворянина». Так и хочется сказать, что это явно притянуто за уши, но в дальнейшем будет приведена еще одна печать, которая развеет сомнения. Если нижние буквы читаем, как «Н С Д», можно предположить, что это сокращение от девиза рода: «Не словами, а делами». В итоге получаем фразу: «Печать дворянина Акинфея. Не словами, а делами».

«Не словами, а делами» или «Acta non verba» — таков девиз и у Демидовского фонда, который в 1991 году придумал и создал Александр Михайлович Родионов.

С другой стороны, нижние буквы «Н С Д» можно прочитать, как «Никитича сына Демидова». Тогда фраза будет выглядеть так: «Печать дворянина Акинфея Никитича сына Демидова».

Вроде бы сошлось, но тут опять берут сомнения. Нижняя буква «С» похожа и на букву Е, что в корне меняет дело, а уж если и верхнюю букву «П» читать, как «Х», то все наши стройные рассуждения идут прахом.

Гроот Георг Кристофор. Портрет А.Н. Демидова. 1745

плотно занимаясь гербами и печатями, я как-то упустил из вида герб знаменитых владельцев заводов.

Однако я испытал чувство острого узнавания. Возможно, ранее я все-таки видел герб Демидовых, но где? Вспомнил: буквально недавно, в очередном квесте по поиску печатей в документах архива. Поскольку делал я это в своем законном отпуске

и снял на фотоаппарат, попутно прочитав на ней имя «Акинфея». Ну мало ли Акинфеев или Акинфиев существовало в то время? Как оказалось, мало.

Из более двух тысяч разнообразных оттисков, собранных мною за время занятий печатями, ни один из их владельцев не носил имени Акинфий. Так вот, стою я перед стендом,

Раз печать не дает нам больше четкой и однозначной информации, пора обратиться к изучению документа, к которому она приложена. Большой плюс всех прикладных печатей — неразрывная связь с документом, к которому она приложена, в отличие от вислых печатей.

Выясняется, что документ датирован 29 декабря 1748 года и написан в Невьянской заводской конторе. А как мы знаем, Акинфий Демидов умер в августе 1745 года, то есть за три года до написания документа. Имеется фраза, четко указывающая и на то, что Акинфия Демидова уже нет в живых: «Дан сей паспорт из Невьянской покойного действительного статского советника Акинфия Никитича господина Демидова заводской конторы». Документ подписан его приказчиками Стефаном Егоровым и Иваном Андреевым.

Исходя из этого, возникла версия, что печать все-таки не личная, а Невьянской заводской конторы. Екатеринбургский исследователь Николай Корепанов в своей книге «За семью печатями» приводит похожий рисунок печати, только Нижне-Тагильской заводской конторы. На нем есть буквы НТЗК, что и означает: «Нижне-Тагильской заводской конторы».

Я связался с Николаем Семёновичем Корепановым. На мой вопрос о печати Невьянского завода был дан такой ответ: «Печать Невьянского завода действительно с гербом Демидовых и с буквами имени Акинфия, она такой оставалась и после его смерти». К сожалению, изображение печати Невьянского завода я пока не раздобыл. Она нужна, чтобы сравнить

с имеющимся оттиском и четко понять принадлежность печати.

Невьянская заводская контора по аналогии с Нижне-Тагильской, возможно, должна быть отражена и на печати, найденной в алтайском госархиве, например, в нижних буквах «Н Е» — Невьянской, что, однако, совершенно не дает никакого представления о том что означают оставшиеся буквы и ставит под сомнение эту версию.

Дальнейшее изучение документа дало новые факты в пользу первой версии о том, что печать принадлежит лично Акинфию Демидову. В конце документа имеется приписка: «...у сего паспорта вышеименованного господина Демидова печать».

Длительное изучение печатей позволило сделать несколько наблюдений об их использовании:

1. Печати могли использоваться и после смерти владельца, причем на протяжении многих лет и несколькими людьми. Хотя это больше характерно для лиц рангом ниже, нежели Демидов. Хотя, если на то была воля его наследников, то почему бы и нет.

2. Часто личные печати ставили для заверения официальных документов, поскольку зачастую иных казенных печатей в тот период не существовало, либо они были не так распространены. Проставление личных печатей на паспортах и документах о прогонах лошадей особенно характерно для лиц высокого ранга.

Исходя из этих наблюдений, можно сделать предположение, что печать как могла быть личной при жизни Акинфия Демидова, так и после его смерти могла отождествляться с конкретным Невьянским заводом.

Печать с гербом Демидовых

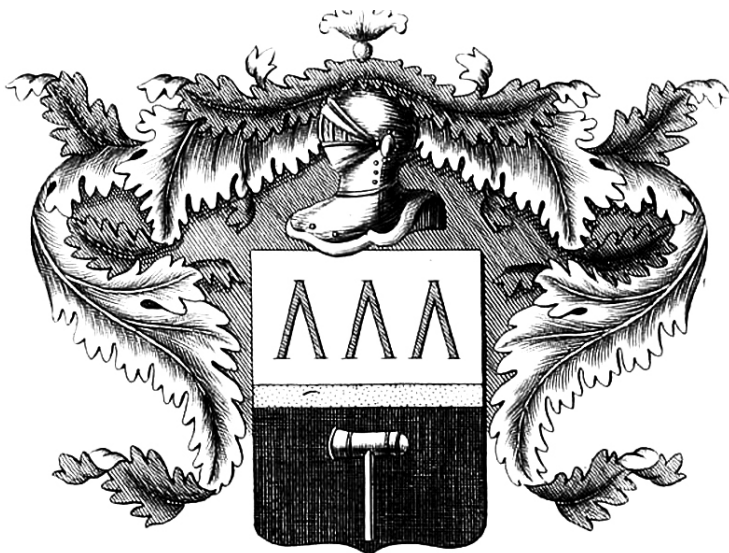
Или же сугубо личная печать приобрела статус, выходящий за рамки чисто личной печати.

Однозначно и четко сказать, является ли печать личной Акинфия Демидова или же его завода, на данном этапе, на мой взгляд, нельзя, слишком много предположений и догадок. Эта задача ждет своего окончательного решения в будущем.

Однако была найдена еще одна печать, которая вне всяких сомнений является печатью Демидова. Правда, уже не Акинфия, а его родственника Евдокима Никитича Демидова, сына Никиты Никитича, младшего сына основателя рода Демидовых Никиты Демидова. Евдоким Никитич Демидов также был промышленником и владельцем заводов.

Печать приложена к аттестату, который был дан Евдокимом Демидовым при Дугненском заводе, о чем имеется соответствующая запись: «...при подписании моем и с приложением моей обыкновенной печати сей аттестат дан при Дугненском заводе». Документ датирован 1 января 1762 года. Печать сургучная, красного цвета, размер 20x23 мм. На печати изображен парадный герб Демидовых, описание которого было приведено выше. По верхнему краю печати имеется легенда: «Печать дворянина Евдокима Демидова».

К слову, фраза «печать дворянина» была одной из версий расшифровки верхних букв на печати с именем «Акинфея». ■

Герб Демидовых

С интересом и болью

О первом директоре барнаульского драмтеатра Александре Чарине

текст Виктор Суманосов

В фонде барнаульской мужской гимназии (ГААК) мне попался документ: прошение от 20 октября 1912 года в приемную Попечителя Западно-Сибирского учебного округа от барнаульского мещанина Ивана Михайловича Устиновщикова. В прошении в частности написано, что 1 сентября 1912 года его сын Александр был допущен к приемным испытаниям для поступления в первый класс гимназии. Испытания сын выдержал, но ввиду большого конкурса остался за штатом, что до крайности является горьким, плачевным и убийственным положением. Что его сын Александр, родившийся 8 апреля 1900 года, не по своей вине до сих пор не поступил в гимназию согласно возрасту. Иван Михайлович Устиновщиков был лесным смотрителем, получал весьма ограниченное содержание, жил в крестьянских селениях далеко от всех учебных заведений и, когда сыну подошел возраст начального образования, то в селении не было учителей, а главное — беспорядки в 1905–1906 годах. На жизнь Ивана Михайловича и сына Александра покушались. Два года сын находился в таком испуге, рассеянности и припадках, что никак не было возможности отправить сына на учебу. И лишь переехав в Барнаул, удалось справиться с болезнью сына. «Ради Бога войдите в наше

положение, зачислите и допустите к занятиям сына хотя бы сверхштата».

24 октября 1912 года было принято решение о зачислении в 1 класс Устиновщикова Александра и допущении его к урокам.

Было интересно узнать: что же с мальчиком Сашей стало? Какая его ждала судьба?

В 2008 году я купил книгу известного алтайского краеведа Василия Фёдоровича Гришаева «Реабилитированы посмертно», в которой на четырех страницах рассказывается о первом директоре барнаульского драмтеатра Александре Ивановиче Чарине, расстрелянном в 1937 году. Всего по делу РОВС в Барнауле было осуждено 39 человек. В 1959 году их всех полностью реабилитировали. Чарина оговорил директор барнаульского учительского института Андрей Петрович Юферов. Но это не спасло самого Юферова, который был также арестован и расстрелян. В статье излагается допрос Чарина, в котором он категорически отрицает свою вину, и сообщается о расстреле через месяц после суда, 27 декабря 1937 года в Барнауле. Есть сведения о том, что Чарин (Устиновщиков) Александр Иванович был женат с 1924 года на артистке барнаульского драмтеатра Людмиле Людмиловой.

Три года назад, 1 мая 2015 года, я получил письмо от Эдуарда Ковшевного.

«Здравствуйте, уважаемый Виктор Александрович!

Прошу Вас простить меня за то, что пишу Вам без приглашения, но все же надеюсь, что Вы уделите моему письму толику Вашего драгоценного времени.

Дело в том, что бабуля моя, Деняева Лидия Фёдоровна, была родом с Алтая. Но прожила большую часть жизни вне родных мест. О прошлом говорить не любила, рассказывала редко, но метко. Рассказы ее были всегда краткими, эмоциональными и очень живыми, сценичными. Например, о том, как приходили расстреливать прадеда в его родном селе Боровском... Не без влияния бабулиных рассказов я, в свое время, начал писать стихи. Но не о стихах речь.

Бабуля умерла в прошлом веке, минуло немало лет, остались в памяти обрывки рассказов, уцелели некоторые фотографии, но все это разрозненно, без конкретных дат. У меня уже взрослая дочь ... и вот, вернувшись из реанимации, я достал старые фотографии и с ужасом понял, что не смогу внятно оставить дочери рассказ — кто, когда, кем из ее предков был, как жил и умер. И что даже те обрывки знаний, что помню я, уйдут вместе со мной. А хотелось бы, чтобы после меня остались не только стихи, но и тетрадь с рассказом, с данными о прадеде, прабабушке, об их родне. И вот тут тупик. Безнадежность. Не знаю ни одной конкретной даты рождения или смерти, не от чего отталкиваться, по крайней мере мне, несведущему. Не знаю с чего начать, и, вообще, возможно ли теперь узнать что-либо о прошлом.

Поэтому обращаюсь к Вам, Виктор Александрович, за советом и помощью.

Вот, например, из того, что знаю. Отец бабули, мой прадед, Деняев Фёдор Самойлович, купец 1-й гильдии, родное село — Боровское Алейского района. Семья, кроме Боровского, жила в Барнауле на улице Полковой. Вроде бы были еще

Александр Устиновщиков (Чарин)

Людмила Людмилова

Эдуард Ковшевний. На пристани Барнаула. 1983

дома в Алейске и Бийске, но не уверен. Умер в 1927–29 гг. и похоронен, кажется, в Рубцовске. Бабуля была маленькая и на похороны ее не брали. Опять же есть подозрение, что не умер в Рубцовске, а был репрессирован.

Прабабушка Воронцова Мария Даниловна. Есть предположение, что была из дворян. Но как это сочетается с супругом, купцом 1-й гильдии?

Брат прабабушки, Воронцов Михаил Данилович, служил в Зимнем дворце. Опять же — кем, когда, в каком году и как попал туда, когда умер?

Прадед и прабабушка были в свойстве с Устиновщиковыми, Зыряновыми, Зимиными, Аникиными...

Старшая сестра Деняева Фёдора Самойловича — Татьяна Самойловна вышла замуж за Устиновщикова и у них был сын — Александр Иванович Устиновщиков (Чарин). По рассказам бабули — работал после Гражданской войны актером, режиссером барнаульского театра, как бывший голубой улан был репрессирован. Опять же на сайте барнаульского театра никаких упоминаний о нем нет.

И сразу возникает множество вопросов, ответы на которые здесь, за тысячи верст от Барнаула, я найти не могу.

Остались ли после смерти Устиновщикова потомки? Может, кто уцелел, может, есть и данные, воспоминания об Устиновщикове?

Уцелел ли кто в Барнауле из Деняевых? Зыряновых?

Ничего не знаю, бьюсь бессильно. Как мне быть? Кто поможет найти ответы?

Ответьте мне, пожалуйста, Виктор Александрович! Помогите бедному поэту. Прошу Вас.

С уважением,
Эдуард Ковшевний, правнук Деняева Фёдора Самойловича».

Эдуард Ковшевний — Виктору Суманосову

Насчёт Деняева Ивана Васильевича, знаю, что было переправлено несколько писем из Америки в Барнаул, но они не сохранились. Вообще, совершенно точно знаю, что в Америку попали: Деняев Иван Васильевич — племянник прадеда; Деняев Сергей и Деняев Андрей — младшие братья прадеда. Кто-то

из Деняевых был в Харбине, кажется, старший брат прадеда — Павел, и вроде как потом вернулся в Барнаул, в Россию. Что стало с ним, можно только догадываться. Кстати, Павел Деняев был, как говорила бабуля, военным еще до Первой мировой. Есть фото прадеда и его брата, где они в военной форме, прадеда забрали в ополчение или сборы военные, но тогда это было, уже в войну? Не знаю. Не могу определить по фото, ни год, ни род войск.

Да, где-то мелькало глухое упоминание, что многие из попавших в Америку тормозились на границе и проходили регистрацию на каком-то острове, что теперь на этом острове музей и выбитые на стене имена всех, кто приплывал в Америку через этот остров. Но при регистрации и сам эмигрант мог назвать другую фамилию, или изменить ее; мог тот, кто записывал, — записать искаженно, да и сайт этого острова наверняка на английском.

Переберу старые записные книжки, может, найду что за остров.

Вообще, если вспомнить бабулины рассказы, попутно, не в родстве, а в знакомстве, в дружбе всплывает очень много разных фамилий: Хмелевский, Кайгородов, Раков или Ракин, Травин.

Виктор Суманосов — Эдуарду Ковшевному

Заинтриговали знакомые Вашей бабушки — братья Ракины, Авенир и Леонид, капитан Травин. А Кайгородов — неужели это тот самый атаман Кайгородов, что бился с красными уже в 20-х годах в Горном Алтае? Посылаю обещанную статью о Чарине.

Эдуард Ковшевний — Виктору Суманосову

Искренне благодарю Вас за присланную Вами статью Василия Фёдоровича Гришаева об Устиновщикове (Чарине) А.И. С интересом и болью прочитал ее.

И сразу возникает много вопросов. «Окончил четыре класса гимназии». Что за гимназия? В какие года учился? Почему не закончил? «...3 с небольшим месяца служил писарем в 3-м Барнаульском полку...» С какого месяца по какой служил?

Разве в деле не указывалось подробно происхождение, родители, родственники, место проживания, послужной список, биографические данные арестованного? И где само дело? И как его бы почитать?

«...женился на артистке ... Людмиле...» — да, это как раз совпадает с рассказами бабули, она тоже говорила, что его жена была артистка и звали ее Людмилой. И показывала фото, которое я высылал. Кстати, Виктор Александрович, Вы получили все фото, что я отправлял? Может быть, я что-то не так с ПК отправил, что-то не дошло?

И кроме самой трагичности судьбы Чарина убивает то, что «других сведений о нем найти пока не удалось...» Очень печально.

А как же сама Людмила Прокопьевна? Она ведь прожила долгую жизнь. И даже в 1983-м году была еще жива и посещала, приходила в старый дом на улице Никитской. Значит, ее волновало, беспокоило прошлое? Неужели она не оставила после себя воспоминаний, записок? Или, как моя бабуля, все время боялась и ничего не записывала?

И не нашлось того, кто записал бы с ее слов рассказы о прошлом? А дети, потомки? Неужели никого не было, никто не остался? А в театре, нет ли тех, кто хоть что-то слышал, помнит, знает? Хочется локти кусать от того, что ушло прошлое, а те, кто мог, в свое время, не сумели расспросить тех, кто готов был многое поведать, рассказать.

И относительно рассказов. Раз уж это письмо получилось посвященным памяти Александра Ивановича Устиновщикова, то упомяну один интересный эпизод из его жизни известный со слов моей бабули.

Ну то, что Чарин был голубым уланом, я уже писал. Дом, где жил Устиновщиков, был на улице Никитской — это я написал выше. А вот вкратце то, что я обещал Вам, Виктор Александрович, поведать.

...В 1919 году, кажется зимой, Устиновщиков и часть голубых улан отступали, откатывались в эшелоне к занятому белыми Барнаулу. И вот на каком-то участке пути ... на железнодорожный мост навстречу и наперерез составу был выгнан табун лошадей. На мосту лошади и поезд столкнулись лоб в лоб. Получилось жуткое месиво. Устиновщиков чудом уцелел в этой мешанине, но от потрясения на короткое время, как говорила бабуля, «тронулся умом» ... и уже в госпитале все метался, хватался за голову, пытался ее оторвать и кричал: «Верните мне мою голову — не хочу жить с конской головой! Уберите конскую голову...» Бред. Горячка. Жар. Потом, по всей видимости, тиф.

А когда бывший голубой улан пришел в себя и открыл глаза, то

Фёдор Самойлович Деняев с братом Павлом Деняевым (с шашкой) и племянником Константином

в городе уже были красные. И бабуля говорила, что Чарин просил у прадеда «принести скорей ему штатское платье...» и «...папа принес...»

Вот такой короткий, но очень интересный штрих к биографии Устиновщикова. Штрих, который вряд ли кто знает, помнит, кроме родных и родственников.

И надо было видеть, как это рассказывала бабуля! Театр одного актера... Здесь было передано, разыграно, показано все: и лавинообразный бег разгоряченных, обезумевших лошадей вниз по склону на рельсы, и крики, ужас запертых в падающем вагоне людей, и горячее метание раненого по белым простыням безучастной палаты, и обезумевшие глаза на бледном

лице перевязанной головы, которую надо — скорей, скорей, скорей! — оторвать и вернуть свою, родную, целую; и отрешенная безучастность выздоровевшего и узнавшего, что свои навсегда ушли из города, и будет теперь совсем другая, скорее всего, короткая жизнь...

О! Бабуля умела рассказывать... И недаром так любила Андронникова. И не учительницей литературы ей бы следовало быть, а актрисой. До сих пор помню, как холодок полз по спине, а я, не шелохнувшись, сидел напротив бабули, боясь пошевелиться и спугнуть то действие, те трагичные картины прошлого, что оживали тут передо мной.

Немудрено, что многое перекочевало потом в мои стихи и даже

толкнуло меня к написанию поэмы, а потом и пьесы «Возвращение...», пьесы, которая, к сожалению, не дописана и требует поездки в Барнаул, чего пока я не могу себе позволить. Надеюсь все же, что поездка и пьеса будут, а я не отправлюсь в мир иной раньше.

И жаль, что рассказы бабули были редки, и не позволено мне было записывать все на бумаге. Но нынче многое можно откопать, проверить, сопоставить.

Влюбом случае можно попытаться узнать, что за состав был перевернут бабунюм, в каком месяце, где, кто так хитро постарался, может, остались сведения о госпитале за тот период, сведения кто там с каким диагнозом и сколько лежал, воспоминания тех, кто лечился или работал там, да мало ли за что можно зацепиться любознательному человеку.

Вообще, если собрать воедино все бабулины рассказы, дополнить конкретными датами, датами и свидетельствами тех лет из других источников, то наберется материал на целую книгу или роман. Или пьесу.

...Как хотелось бы мне вернуться на алтайскую землю, в Барнаул хотя бы стихами, хотя бы пьесой, которую я посвятил бы убиенному директору театра и всем тем, кто любил родную землю и лег в нее.

Эдуард Ковшевский — Виктору Суманосову

Очень рад весточке от Вас, новым данным об Устиновщикове. И в данных по семье Устиновщикова как раз указана Татьяна Самойловна Устиновщикова, она же Деняева Татьяна, старшая сестра прадеда из списка братьев и сестер Деняевых, что я Вам до этого отправлял. Улица Полковая из рассказов бабули тоже всплыла наконец-то. Об улице Полковой... Было два дома. В одном жили Деняевы, в другом — их родственники, видимо, Устиновщиковы, которые потом переехали на улицу Никитскую (Никитина) или Малую Никитскую, — не помню.

В 1983 году, зная, что у нее рак, бабуля попросила отвезти ее в Барнаул к родному дому. Мы набрали денег в долг и вместе с мамой повезли бабулю в Барнаул. И летом 1983 года мы прибыли в Барнаул. Вечером. Город встретил нас на вокзале словами из песни: «Хлеб всему голова...» На следующий день бабуля показала нам дорогу, отвела нас на улицу Полковую (ныне — Партизанскую) к родному дому.

(Если правильно помню, то это где-то недалеко от проспекта Мира (проспект Ленина) мимо какого-то резного деревянного кафе вбок под гору). Один из домов — зеленый флигель был уже снесен, торчали только балки из земли. Второй дом — бревенчатый, черный, двухэтажный — с раскидистым тополем перед домом был еще цел, но рядом высилась многоэтажка и, по словам жителей уцелевшего дома, на следующий год обещали этот дом снести.

Заходили в этот дом, бабуля говорила, что раньше здесь жили Деняевы, жильцы подтверждали, спрашивала бабуля о Деняевых, о Ермаковых, которые жили у Деняевых в этом доме по уплотнению и были с Деняевыми в хороших отношениях. Спрашивала о семье Киселёвых, но при чем тут Киселёвы я уже не помню. Вышла из дома бабуля в слезах. У фундамента родного дома набрала в чистый белый платок земли (эту горсть родной земли по завету бабули я и бросил потом первой на ее гроб на похоронах).

Водила бабуля нас в тот день и в следующий — к гимназии Будкевич, где училась. Потом к каменному зданию школы, в которой училась после гимназии Будкевич. К зданию с башенками, в котором работал прадед. На гору, на ВДНХ, что было когда-то Нагорным кладбищем. Точнее водили-то ее мы под руки, сама она уже не шибко ходила, но показывала, объясняла куда и как добраться.

И ходили мы на улицу Никитскую в дом Устиновщиковых. Не очень далеко от Полковой и в гору, по левой стороне дом. В доме разговаривали с женщиной, которую поразило не столько появление Деняевой, как то, что накануне, буквально вчера до нас пришла туда древняя, вся седая старушка — Устиновщикова Людмила. Тоже приходила попрощаться с домом и с прошлым. Тоже плакала. Я пытался узнать у женщины — откуда жена Устиновщикова приходила, узнал примерный номер многоэтажки и микрорайона. До самого вечера искали дом в том микрорайоне, но квартиру узнать не смогли. Хотел я узнать в горсправке адрес Устиновщиковой, но было уже поздно. А на следующий день был взят уже билет обратно до Москвы и дальше. Так что ходили по одной улице с женой Чарина, заходили в один дом, но не встретились. И тогда и до сих пор кусаю локти. Вот кто мог многое рассказать и прояснить.

Вот такая вот интересная история из жизни. Потому я и писал

Вам в прошлых письмах, что Устиновщикова жила долго, в 1983 году была еще жива.

Да, и если бабуля училась в гимназии Будкевич, то может, есть списки учащих гимназии? Может, ученики заполняли автобиографии или документы, в которых указывались данные о родителях, — ниточка к прабабушке Воронцовой Марии и к Воронцовым. Может, родители заполняли ходатайства на прием детей в гимназию — и какие-то данные на прадеда в этих документах. Что-то еще обязательно есть.

Виктор Суманосов — Эдуарду Ковшевскому

Увидел Ваши сегодняшние фото и сразу отвечаю.

Школа, в какой училась Ваша бабушка после гимназии Будкевич, раньше была Барнаульским духовным училищем. Дом, в котором работал Ваш прадед, это первый барнаульский «небоскреб» — доходный дом купца Аверина.

Виктор Суманосов — Эдуарду Ковшевскому

Наконец я просмотрел дело Устиновщикова и скопировал для Вас его.

В приложенных файлах можете все прочесть сами.

В 2013–2014 годах я смотрел много дел 1937 года. Но такой «доказательной базы» для расстрела еще не видел. Один листочек допроса!!! Устиновщиков все отрицает и не признает вины. Но для суда все ясно.

Я понял, почему мне не выдавали это дело так долго. Все дело в том, что это дело РОВС по всему Алтайскому краю. Куча народа. И кто-то искал другого человека. А само дело в 3 томах, толстенных, как «Война и мир» Толстого.

Оказывается, у Устиновщикова была приемная дочь. Конечно, в 1983 году она была жива. Выйдя замуж, сменила фамилию, и теперь ее не найти.

Эдуард Ковшевский — Виктору Суманосову

От допроса и вообще от материалов дела — в шоке. Как просто — всего один листок на допрос. И всё. И поражаюсь мужеству Чарина, который не сломался, не оговорил себя и не оговорил других людей. Артист, творческий человек оказался крепче, чем иные. ■

Мастеров, успешно работающих в разных жанрах фотографии, немного. Необходимо быть разносторонней личностью, обладать художественным видением, быть исследователем и мастерски владеть при этом фотоделом. Альфред Позняков из таких: фотограф, оператор, исследователь, путешественник, преподаватель

Альфред Позняков. Фото Станислава Жерносенко

Универсальный фотохудожник

текст **Дарья Маркова**

В своем творчестве Альфред Арьевич Позняков выступает как краевед, этнограф, документалист. Это отчетливо прослеживается в его исследовательской, экспедиционной работе. Научно-прикладная фотография Познякова включает обширный спектр направлений — от съемок эндемиков (редких видов растений и насекомых)

и до крупных реликтовых животных (медведей, оленей). Накопление исследовательского материала шло поступательным путем, начиная с поездок в командировки по селам и городам края, туристических походов. С приходом на работу в краеведческий музей последовали ежегодные научные экспедиции совместно с Бийским

Наскальная живопись. Фото Альфреда Познякова

краеведческим музеем им. В. Бианки под руководством его директора, историка-археолога Бориса Хатмиевича Кадикова. Исследования велись по различной тематике: этнография народов Алтая, археология, топонимика.

Знакомство с писателем Александром Михайловичем Родионовым привело к творческому содружеству, в результате накопленный фактический материал о деревянной резьбе Алтая нашел отражение в книгах Родионова «Чистодеревщики» и «Красная книга ремесел Алтая». Фотографии, опубликованные в перечисленных изданиях, запечатлели отдельные здания и архитектурные элементы (наличники, подоконные доски, кронштейны, угловые доски, фронтоны, навесы). При фотосъемке архитектуры подробно переданы все архитектурные особенности здания, контуры, детали, материалы, цвета. Композиционные и световые решения здесь упрощены, часто применяются центральные построения и симметричные рисунки, ограниченно используются ракурсы. В 1970–1980 годах совместной работой Родионова и Познякова заинтересовались газеты «Молодежь Алтая», «Алтайская правда». В газете «Алтайская правда» появилась рубрика «Память», где публиковались статьи и фотографии. Газета «Моторостроитель» также печатала краеведческие записки и фотографии.

По инициативе Альфреда Познякова при краевом совете по туризму была создана газета «Алтай туристский», в которой публиковались фото ландшафта Горного Алтая, статьи об истории и культуре Алтая, алтайские легенды. На страницах издания нередко появлялись статьи и фотографии Альфреда Познякова.

В середине 1980 годов по инициативе Алтайского государственного университета и сельскохозяйственного института, института им. М.А. Лисавенко, краевого совета по туризму, крайсопрофа, Алтайского краеведческого музея, общества охраны природы и памятников в Барнауле был создан Народный университет природы, который занимался просветительской деятельностью. Альфреду Арьевичу в народном университете было доверено заведовать кафедрой туризма. Его занятия сопровождались показами

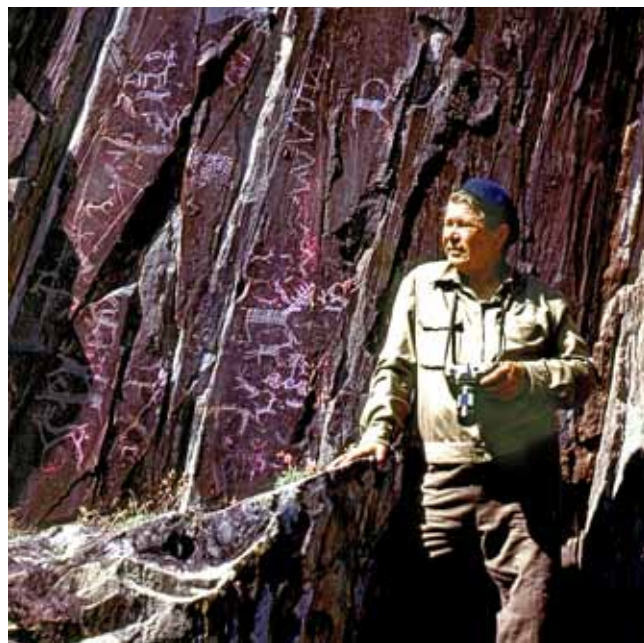
фотографий, слайдов и фильмов о природе и культуре Алтая. Университет, к сожалению, просуществовал недолго. Фотографии и фильмы Познякова также демонстрировались на краевом телевидении в программе «Край родной», созданной совместно с профессором, доктором географических наук Виктором Ревякиным.

Одно из важнейших направлений в работе Познякова — исследование древней истории Алтая. Накопленный фотографический материал нашел свое применение в буклетах, периодических изданиях, книгах. Снимки, выполненные к этой теме, представляют научную ценность, служат для ученых и краеведов носителями важной информации.

Альфред Позняков является мастером документальной фотографии. Он работает в разных жанрах — портрете, пейзаже, репортажной фотографии, научно-прикладной. В каждом из них он умело использует необходимые выразительные средства, обнаруживая глубокое понимание человеческой души, красоты природы и ценность того или иного запечатленного факта.

В Познякове сочетаются два художника. Один пристрастен к мгновению — остановленному, запечатленному. Другой не удовлетворен неподвижностью моментального снимка и убеждает себя взять в руки кинокамеру, чтобы обратиться к движению.

Александр Родионов отозвался в свое время о творчестве Альфреда Познякова: «Бег коня по пологому лугу никогда не прервется, никогда не дрогнет трепетная пыльца на распустившемся эдельвейсе, никогда не иссякнет бирюзово-переливчатая глубина горной реки, а жених будет вечно молодо миловаться в свадебной юрте со своей невестой — все это запечатленные мгновения. Мгновения, выхваченные фотографом Альфредом Позняковым из потока быстролетящей жизни». ❖

Борис Хатмиевич Кадиков (1932–2010), легендарный директор Бийского краеведческого музея. В экспедиции. Фото Альфреда Познякова

Премьерная театральная афиша мая-июня в столице края на редкость разнообразна и привлекательна. Театры дают постановки беспроектных авторов — смотреть хочется все

На сцене классики и современники

текст **Лариса Вигандт**

В «драме» идут «Темные аллеи» Бунина, «Бесприданница» Островского, «Одуротворенные люди» Платонова и лабораторные режиссерские эскизы по Достоевскому. Молодежный театр Алтая представляет спектакль «Карьера и фортуна» по роману Гончарова «Обыкновенная история» и ставит пьесу «Алексей Каренин» современного драматурга Василия Сигарева. «Куклы» собирают залы на «Онегина», сдают «Алису в стране чудес» по Кэрроллу и привозят спектакль из Новосибирска «Похороните меня за плинтусом» по повести Павла Санаева. Музыкальный театр инсценирует «Графа Монте-Кристо» по Дюма, «Синюю птицу» по Метерлинку и музыкальную драму «А зори здесь тихие...» по повести Бориса Васильева.

Выскажусь по некоторым избранным спектаклям, которые удалось увидеть.

Алексей Каренин

Постановку пьесы «Алексей Каренин», написанной Василием Сигаревым на основе романа Льва Толстого «Анна Каренина», осуществил новосибирский режиссер Денис Малютин.

Сцена минимально декорирована, почти пуста — только диван, одинокое кресло, или диван плюс кресло, или же куб, который выполняет поочередно функции кареты, церкви, стены. Доминантой в сценическом оформлении воспринимаются шесть жестких кулис, лицевая сторона которых заполнена буквенным паттерном. Алфавит, как будто знакомый, по первой ассоциации — церковнославянский, но при пристальном разглядывании — не он, в орнамент вкраплены неизвестные литеры. С развитием действия необыкновенные ширмы, украшенные буквенным узором, считаются как скрижали — две каменные плиты, на которых, согласно Библии, начертаны десять заповедей. Шпалеры с десятисловием выстилают пространство семьи Карениных, прочих домов, светских салонов и присутственных мест — неперемный фон, примелькавшийся за давностью.

В центре постановки — драма Алексея Каренина, человека добропорядочного, богатого, наделенного властью;

старого мужа, уязвленного в самое сердце изменой молодой жены. Режиссер, препарировав внутренний мир героя, предлагает рассмотреть скрытые движения души, как бы под микроскопом, — подробно, близко. Так невидимое, интимное — тревожные сны и видения Каренина материализованы в ритуальных танцах, пластических арабесках, пантомимах. Режиссер сумел организовать сцены таким образом, что зритель не путает явь и сон.

Артист Анатолий Кошкарёв, исполняющий роль Алексея Каренина, воплощает на сцене ряд сложнейших психологических состояний. Оскорбленная честь требует реванша, мести. Христианин в нем взывает к любви и прощению. Между двумя полярными проявлениями природы — бездна боли, страдания, озлобления, любви. То одно, то другое — вперемешку, рывками.

Истерзанный Каренин не в состоянии контролировать свои порывы: щиплет сына и тут же просит прощения. Еще вчера сильный, уверенный в себе, он лишается собственной воли; Лидия Ивановна, графиня, принимает решения за него. Бодрый шаг сменяется шаркающей походкой. «Я старик, я старик», — причитая и плача, Каренин, бессильный, сломленный, ползет на коленях. Зал сострадает, плачет вместе с героем.

Анатолий Кошкарёв изображает человека, который сплошь — проявление контрастных душевных всплесков; он в ситуации, когда психика работает сложно, болезненно. Алексей Каренин проходит через затаенную злобу, растерянность, надорванность, апатию и оказывается способным на просветление и восхождение. Каренин Кошкарёва стоит в одном ряду с его Свидригайловым, с характером еще более тяжелым, мрачным. Обе роли, исполненные, заметим, в спектаклях разных режиссеров, — сложны, отлично выполнены и характеризуют Анатолия Кошкарёва как зрелого, талантливого драматического актера.

Любовь Хотиева в роли графини Лидии Ивановны появляется на сцене в брючном офисном костюме, с прической, уложенной рожками, и со спичем о долге христианина, адресованном старому знакомцу Каренину. Звуки заполняют эфир густо, четко, подобно буквам на обоях. Графиня говорит правильные вещи, заученной — от зубов отскакивает — скороговоркой.

Алексей Каренин — артист Анатолий Кошкарёв, Анна Каренина — артистка Алина Раченкова, Вронский — Виталий Прозоров, Первая дама (в синем) — Наталья Сляднева. Фото Станислава Хазиева

Слова всё русские, дикция отменная, но сказанное сердце не тревожит. В воображении немедленно активизируются образы современных политических дамочек, известных по ток-шоу: те же замысловатые прически, тот же сплошной, без потребности взять дыхание, речевой поток. Совершенный гротескный образ, и потоку: bravo, Любовь Викторовна!

Во втором акте Хотийёва совсем иная: она еще сыграет строгую классную даму по отношению к Сереже, но, главное, признается в любви Каренину и оттого преобразится. Похоже, зная его ответ заранее, будет она и робкой, и отчаянной одновременно, а после смирится в своем безответном чувстве, возьмет на себя как послушание кроткое служение любимому человеку.

Любови Хотийёвой подвластен весь диапазон смешного: легкий изящный юмор — гротеск — едкий сарказм; и также все полутона драма-трагического ей по плечу: госпожа Мармеладова от Достоевского, Мария дус Празериш от Маркеса. Мощный глубокий актерский дар.

Уважительных слов заслуживает молодая актриса Алина Раченкова, исполнившая роль Анны Карениной. В начале истории в вокзальной суете ее героиня — манкая, загадочная дама; в домашних покоях — обольстительная шалунья, в светских салонах — милая тусовщица. Эти роли органичны и нетрудны для юности. Но

явить женщину с помутнением рассудка, сломленную любовью и собственной виной, в полной мере правдоподобно, без перебора, без избыточного крика, но мучительно, смертельно — это, без сомнений, одаренность и труд.

Заметными за счет внешней актерской техники получились роли: Ландо (Алексей Бурдыко) и адвоката (Роман Чистяков). Первый кликушествует: делает безумные глаза и громко вопит, на мой вкус, чересчур, однако тем и выделяется. Второй, пластичный, гибкий, создает кичевый образ стряпчего, скользкого мерзкого типа, неизбывного во все времена. Тут, мне показалось, дело дошло до портретного сходства, режиссер явно лепил роль с известных прототипов: фигура, лицо, повадки, хищное поблескивание драгметаллической тонкой оправы — похо-о-ож. Работа Романа Чистякова, безусловно, демонстрирует его актерский потенциал, но в данном случае хороша сама в себе, поскольку отодвигает партнера по игре, Анатолия Кошкарёва, и выпадает из общей стилистики спектакля.

Режиссер Денис Малютин очень искусно строит спектакль. На сцене нет ничего случайного, все имеет значение. К примеру, гардероб спектакля. Герои предстают и в костюмах XIX века, и в современных, оттого мы читаем историю то в реалиях полуторавековой давности, то в обстановке наших дней. В определенный

Антон Гарварт в роли Сережи Каренина

момент маятник, летающий через века, достигает равновесия, а зритель понимает (банальные, в общем-то, вещи): ничего в этом мире не изменилось, кроме одежды.

Мизансцены, одна сильнее другой (вокзал; Каренин на коленях; встреча Анны с сыном у церкви в Пасхальный день; помешательство и гибель Анны и др.), проработаны до говорящих деталей. Погребальные мотивы заданы в самой первой сцене, когда до трагедии еще далеко, в момент встречи на вокзале супругов Карениных: огромный ящик, взгроможденный на плечи грузчиков, медленно и торжественно плывет над толпой. Также, словно гроб, внесут в гостиную Карениных диван. Горестные предвестники в веселой щебечущей атмосфере, шлейфом стелющейся за Анной.

От начала к финалу нарастает плотность действия, накрывает ощущение неотвратимой беды, воздух злощастия сгущается, как это случается перед грозой, и, наконец, взрывается резким длинным гудком паровоза — публика вздрагивает. Три циклопических глаза летят в зал, ослепляя зрителей; вертятся вокруг своей оси шпалеры-скрижали; мечутся в полумраке сгустки света, отраженные зеркальными лопастями. На авансцене, уведенные в тень, стоят актеры. Им хорошо видны высвеченные мощными прожекторами лица в зале. Жуткий, до мурашек и оцепенения, театр полностью поглощает зрителя, владеет им безраздельно. Сильнейший всплеск эмоций, кульминация, безмолвие и погружение в темноту.

Мрак сменяется теплым приглушенным светом. Каренин и Сережа (Антон Гарварт) в длинных белых исподних рубахах идут по кругу, мальчик катит коляску, в которой спит его сестра, дочь Анны и Вронского. Это финал: примирение и прощение. Но где находятся наши милые герои, недавно страдавшие, а теперь безмятежные, спокойные? Где случается такая вселенская

любовь, в каком райском саду? В каких пределах помирил всех режиссер? И в чем его главный, режиссерский, посыл к нам? Денис Малютин, собственно, напоминает о самом простом, хорошо известном, но в жизненной увлеченности отодвинутом на потом, на когда-нибудь: возлюби ближнего своего, как самого себя.

На поклоне действие получило нечаянное продолжение. Антон Гарварт, очень трогательно играющий Сережу, вышел в слезах, плечики его вздрагивали. На сцену поднялась женщина из зала и обняла мальчика.

Спектакль «Алексей Каренин» — отличная режиссерская работа, удача всего Молодежного театра.

Похороните меня за плинтусом

Постановка по биографической повести Павла Санаева, рассказывает о том, что все проблемы и комплексы ребенок получает на вырост в семье; о том, что взрослые порой не умеют быть взрослыми.

На сцене три планшетные куклы: «Мальчик Саша», «Мама», «Бабушка» и одиннадцать актеров. Они существуют на равных, все играют всех. Кукловоды поочередно ведут Сашу, Бабушку, Маму, а в отдельных мизансценах (ожидание Мамы, эпизод с клистиром) куклы как бы наблюдают со стороны за актерами, взявшими их роли на себя.

— Наш спектакль — это одна из дипломных работ выпускников Новосибирского театрального института отделения «театр кукол», — поясняет перед показом режиссер-постановщик и доцент кафедры актерского мастерства и режиссуры Эльмира Куриленко. — Мы делали спектакль-метафору и хотели сказать, что в каждом из нас порой проявляются и задавленный любовью Саша, и эгоистичная бабушка, и безвольная мама.

Новосибирцы берут зрителя «в оборот» с первых минут, с утренних радиосигналов, начинающих действие: «В Москве восемь часов. Гимнастика. Приготовьтесь выполнить упражнения», — и не отпускают вплоть до тяжелого финала.

Час с лишним зритель то смеется, то ужасается, и все это время его не оставляет вопрос: почему, зачем самые близкие, самые родные люди так изощренно любят друг друга?

На сцене установлен низкий помост, напоминающий теннисный или бильярдный стол с подрезанными ножками. Актеры играют на нем, под ним и вокруг него. Под ним можно спрятаться, как под кроватью. Кроме того, узкий проем ассоциируется и с плинтусом, за которым Саша, помня слова Бабушки о том, что ему, задохлику, недолго осталось, просит похоронить его. В финале под снятым с помоста щитом найдет упокоение Бабушка.

Сценическое пространство, придуманное художником-постановщиком Анной Гуляевой, решено в сантехнической эстетике: старый, с высоким бачком унитаз (будет использован куклой «Саша» по прямому назначению самым изящным образом), ванна, трубы. Реквизит и бутафория напоминают о замороженном советском быте, соотносятся с непрерывными санитарными действиями в отношении ребенка и, вообще, современные пластиковые трубы, собираемые, как конструктор, легко трансформируются в телефонную трубку или духовые инструменты, позволяющие имитировать разные квартирные звуки, вроде ворчания воды в туалете.

На заднике, посередине, укреплен небольшой экран, время от времени на нем всплывают детские кошмары: большой микроб в виде змеи хочет съесть ребенка;

котлета, которой вместо шайбы играют в хоккей; поганка, растущая на пальце ступни, и ножницы, которые охотятся за пальцем. Мультипликационные картинки создаются с помощью теневых кукол.

Очень интересны три заглавных кукольных персонажа. Мама статична: красивая и печальная, она всегда в верхней одежде, ведь Бабушка не пускает ее в дом дальше порога, и с сыном ей приходится встречаться на улице. Саша существует в трех ипостасях: в домашней одежде, голышом (для сцены купания, сразу скажу, превосходно поставленной), в шапке и валенках.

А Бабушка... кукла «Бабушка» — шедевр. Сначала появляются ее руки, всеохватные, вездесущие, они обнимают всю сцену, летают по дому, словно хвост Змея Горыныча, и успевают повсюду первыми. Эти руки спешно хватают телефонную трубку, когда звонит мама, и не дают с ней говорить Саше; они безжалостно смывают в унитаз драгоценную коробочку, которую Саша тайком целовал, — в ней мамы подарки. Но эти же враждебные руки нежно баюкают заболевшего мальчика.

За руками появляется крупная голова: потерявшее женские черты лицо с глубокими носогубными складками и ртом, изогнутым скорбной подковкой. Голова непрерывно изрыгает ругательства: «...опять вспотел, сволочь»; «...его мать — шлюха»; «...припрется твоя чумичка, она тебя на карлика своего променяла». Но в ночном бдении над больным внуком причитает она: «Господи, за что так мучается этот ребенок? Пошли его страдания мне».

С каждой сценой Бабушка становится все больше и больше: за тяжелыми, грозно топающими ногами последует грузное, невероятных размеров тело, обернутое в цветастый халат, оно заполнит все квартирное пространство. Бабушка — гора, чудовище, монстр,

осьминогий спрут, идол... И вместе с тем невероятно жаль ее, несостоявшуюся актрису, нелюбимую жену, нещадную мать. В очередном семейном скандале две женщины перетягивают ребенка, как канат. Бабушка умоляет отдать ей Сашу, потому что: «...это моя последняя любовь», и, не получив, умирает. Такая любовь.

Отмечу два замечательных гротескных образа, созданных актерами: робкий гомеопат с ушами чебурашки и квохчущая Нина Петровна в рыжей, перьями, шапочке и манишке и с губами, живущими отдельной жизнью. Для невероятно пухлых ярких лепешек специально создана наперсточная кукла. Самостоятельно существующие на сцене части тела (бабушкины руки-ноги, губы Нины Петровны) соотносятся, во-первых, с детским восприятием, а, во-вторых, приводят на память гоголевский «Нос» и картины Сальвадора Дали, что невольно добавляет фантасмагорические смыслы спектаклю.

В постановке перемежаются смешные, трогательные и душераздирающие эпизоды: Саша играет в мамочку и сыночка; влажная уборка, Бабушка с гитарой, у гомеопата, на унитазе; наконец, трагическая сцена похорон Бабушки — все сделано мастерски. Спектакль — виртуозный, в духе театра кукол Евгения Гимельфарба, которым славился Барнаул в 1980 годы.

А зори здесь тихие...

Накануне Дня Победы и в сам праздничный день в музыкальном театре Алтая состоялись премьерные показы спектакля «А зори здесь тихие...»

Произведение имеет двойную основу: повесть Бориса Васильева и кинофильм, снятый в 1972 году. Девичьи

Сцена из спектакля «Похороните меня за плинтусом»

Сцена из спектакля «А зори здесь тихие...». Фото Викторнии Белоусовой

образы из киноленты предстоят любим другим воплощениям, однако предшественницы не мешают современницам, новые обращения к материалу свидетельствуют о том, что память священна.

Музыкальная драма, созданная новосибирцами Андреем Кротовым (музыка) и Нонной Кротовой (стихи), достаточно интересна по форме. Она содержит элементы оперы: арии, речитативы, ансамбли — и сочетает популярные традиционные мелодии: вальсовые, цыганские, еврейские, русские лирические, частушечные и плясовые. Авторы применяют музыкальные характеристики героев, так Женю Сотникову (заслуженная артистка РФ Виктория Гальцева и актриса Татьяна Ремизова) сопровождают цыганские мотивы, Соню Гурвич (Александра Карпова) — еврейские, Лизу Бричкину (Мария Евтеева) — русские лирико-романтические. Но главной музыкальной темой произведения стал вальс, который воспринимается как молодой и счастливый. Он звучит в самой первой сцене спектакля, представляющей городской парк, уличный кинотеатр, вальсирующие пары, — «на площадке танцевальной сорок первый год». Под звуки вальса зрители знакомятся с героинями, с их предвоенными историями. Приятная мелодия будет кружить, кружить и врваться в сцены войны, поскольку содержит объемный подтекст. Вальс становится светлым воспоминанием о мирной жизни, первой любви, томике стихов, подаренном одноклассником на выпускном вечере; вальс — это юношеские мечты и ожидание счастья.

Лучшее в постановке режиссера Константина Яковлева — девичьи образы. Рита Осянина (Юлия Башкатова), Женя Кмелькова, Лиза Бричкина, Соня Гурвич, Галка Четвертак (Тамара Вильгельм, Анна Кожевникова) воспринимаются давними знакомыми, поскольку и повесть читана не раз, и в свое время школьное сочинение написано, и после многократных просмотров кинораскадровка помнится наизусть. На барнаульской сцене героини получили новое воплощение, музыка открыла иную образность, нюансы, настроение. Роли пяти мужественных девушек исполняют в двух составах семь актрис музыкального театра. На сцене звучат семь прекрасных виртуозных сопрано.

На одном из показов, выбранном мной специально, чтобы иметь представление о другом актерском составе, в труппе произошли непредвиденные перестановки: Тамару Вильгельм, которую очень хотелось увидеть в роли Галки Четвертак, ввели без репетиций, по производственной необходимости, на роль Риты Осяниной. На сцене совершалась экстраординарная работа, о которой знали только служители театра, с замиранием сердца они следили за действием, а зритель не поверил бы, скажи ему, что Вильгельм впервые играет Осянину. Тихий актерский подвиг. Bravo, Тамара!

Хочется отметить молодую актрису Марию Евтееву в роли Лизы Бричкиной. Характер мечтательной деревенской девушки показался наиболее разработанным, ролевой рисунок заново сочиненным. Романтичные мизансцены с Федотом (Юрий Голубев, Михаил Лямин) выстроены тонко и трогательно: прощальный поцелуй в плечо — все, что себе могут позволить герои. Мария держит деревенский говорок и даже, исполняя арию, сохраняет диалектное звучание речи. Лизе Бричкиной сопутствует светлая щемящая мелодия. «Мне бы в небо...», — поет героиня, грезя о необыкновенном полете над чистым красивым миром. Лиза уходит в святые небеса первой из девочек.

Главным в зрительном образе спектакля (художник-постановщик Алёна Муравьева) воспринимается мост, высоко поднятый над сценой, прочитаемый и как инженерная коммуникация, которую могут взорвать фашисты, а еще в большей степени — как мост в вечность. Поверх статичных сооружений накладываются проекционные декорации (художник по свету Надежда Зуева), создающие атмосферу момента: романтическую ночь в фиолетовых тонах, смертельно-зеленый фон болота, тревожную темень, пронизанную поисковыми прожекторами.

Пятеро девчат, солдат Великой Отечественной, ушли, «превратились в белых журавлей». Но под звуки молодого счастливого вальса выходят к зрителю актрисы, только что прожившие их судьбы, — на сердце светлая печаль. Мы помним вас, девочки. ❏

Заслуженная артистка России Лидия Павлова работает на сцене полвека

«Здесь все мое...»

текст *Елена Кожевникова*

Лидия Павлова приехала в Барнаул в составе легендарной труппы Евгения Гимельфарба, который стал главным режиссером Алтайского краевого театра кукол. За восемь лет, с 1977 по 1985, Гимельфарб создал театр уникальной синтетической формы.

В его спектаклях актер и кукла не заслоняют друг друга, а существуют на равных. Этот прием открывает неисчерпаемые возможности трансформации образной структуры спектакля, его метафорического контекста. Авторская режиссура, знаковая сценография, виртуозная игра актеров оставляют в душе и памяти неизгладимые впечатления.

Евгений Юзефович, будучи в театре главным, часто зазывал на барнаульскую сцену других творцов. В спектакле приглашенного режиссера Романа Виндермана «Декамерон» я впервые и увидела Лидию Павлову. Она шла по зрительному залу в длинном зеленом платье и пела. Ее дивный голос пленял и обволакивал. ореол рыжих волос сиял над головой. Стройная, легкая, обворожительная героиня притягивала к себе, манила, волновала. И я тогда подумала, что у такой женщины непременно должна быть очень счастливая жизнь.

Лида Эсс родилась в маленьком поселке имени Ленина Благовещенского района Алтайского края. Она выросла в семье, где в 1937 году был репрессирован дедушка по материнской линии — работающий эстонец, крепкий на слово и дело человек. Его арестовали по доносу. Видно, кто-то сильно позавидовал добротному хозяйству. Большая семья осталась без кормильца. И тогда бабушка поехала на заработки в Якутию, но по дороге сильно простудилась и умерла. Мама Лиды, Раиса Денисовна, окончила рабфак и стала работать в школе учителем начальных классов. Отца Лида не помнит. Семья держалась на маме

Лидия Павлова с тростевой куклой Дишпирантой.

Спектакль «Чертova мельница». Режиссер Виктор Афанасьев. Харьков

и скромной помощи родственников. Новорожденную Лиду оставляли в подушках под столом, за которым ее брат делал уроки. Мама прибегала на переменах покормить малышку, а восьмилетний брат менял пеленки. Когда сестра Раисы Денисовны вышла замуж и уехала на родину мужа в Молдавию, семья Лиды потянулась следом. Жизнь на чужбине оказалась не легче. Мама по-прежнему работала

в школе в две смены, также в комнате стоял стол, за которым она проверяла тетрадки, а маленькая Лида играла под столом в куклы. Самое счастливое Лидино воспоминание связано с кинематографом, когда она, мама и брат бегали смотреть удивительную, другую, сказочную жизнь.

По окончании школы в небольшом молдавском поселке со смешным названием Бульбокс Лида

устроилась на работу, она стала заведующей библиотекой винзавода. Много читала и очень любила петь. При доме культуры был организован инструментальный ансамбль, а солисткой в нем была Лида.

Сегодня актриса вспоминает о пещенной юности:

– Мы выступали на фестивалях. Завоевывали первые места. Получали призы. Однажды мне даже подарили зеркало, такое большое трюмо. Моя подруга часто ездила в Кишинёв за покупками и однажды, совершенно случайно, увидела там объявление о наборе в студию при театре кукол «Ликурич». Вернулась и говорит: «Что ты здесь сидишь в библиотеке? Давай поезжай в Кишинёв, там объявлен набор в театр кукол. Попробуй себя». Я, конечно, трусила, но все-таки поехала. А в Кишинёве уже второй тур идет. Но ничего, допустили. Я басню прочла, песню спела. В комиссии мне сказали, чтобы к третьему туру я подготовила что-нибудь патристическое. По дороге домой все сомневалась: «Неужели возьмут?» Столько народу, и все красивые, столичные, модные — всё при них. Сомневалась в себе. Но была не была — поехала

снова. Прочитала «Гренаду» Михаила Светлова, и меня приняли.

– А с какими куклами вы начали работать?

– Моей первой ролью был Петушок. Кукла крепилась на штыречке. Петушок должен был взлетать, кукаркать, разговаривать, песенки петь. Ой, как же все это трудно давалось! Я даже плакала из-за того, что ничего не получалось. Но режиссер много и терпеливо со мной работал. Помогал, подбадривал. А потом я даже на молдавском языке Петушка играла. Тогда в театре были молдавская и русская труппы. Я выросла в Молдавии, и языкового барьера у меня не было. Театр «Ликурич» славился по всей стране. Мы ездили на гастроли в Москву, Ленинград и в другие крупные города. В этом театре работали очень хорошие, крепкие актеры. Я многому научилась благодаря их заботливой профессиональной опеке.

– Так это же самое главное в театре — наставничество, передача опыта и знаний. А как же иначе?

– Иначе — никак. Поэтому на первом месте в театре всегда была дисциплина. Актеры не опаздывали. И когда шел спектакль, все

были на сцене, нигде не отдыхали между эпизодами. Все смотрели, как идет спектакль. Все были на подхвате: вдруг что-то упадет или кто-нибудь споткнется. Там же ширма. Повышенное чувство ответственности во мне остается до сих пор.

– Как все-таки важно, когда в театре есть актеры старшего поколения! Они одним только своим присутствием на сцене повышают градус ответственности и перед профессией, и перед публикой. Так закладываются традиции. Но вот, скажите, что же вы в Харьков поехали? Вам ведь хорошо жилось в Кишинёве?

– Мне очень хотелось двигаться в профессии дальше. Я окончила студию при театре кукол, а в Харькове был институт искусств. Да и что я теряла? Страха особого не было. Я прошла по конкурсу, меня приняли и дали общежитие. В институте набирали статных молодых ребят. На них просто смотреть и то было приятно. Атмосфера влюбленности не покидала нас. На курсе стали называть меня Лада. Какое это было замечательное время! И какие мастера нас учили!

– Лада Эсс была одной из самых красивых девочек в институте, — вспоминает однокурсник и коллега Сергей Куц. — Рыжая, веснушчатая, голубоглазая, веселая. Мы звали ее «Солнышко». В ней было что-то трогательное, как бы хрустальное. Чуткий, доброжелательный, контактный человек.

– Как вы думаете, Лада, где работать сложнее: в драматическом театре или в театре кукол?

– Я думаю, в театре кукол. Здесь круг внимания намного шире. Ты должен постоянно держать уровень куклы, чтоб она была не выше и не ниже ширмы. Ты должен следить, куда она смотрит: на партнера или в потолок. Актер постоянно думает о кукле. Насколько она живая? Какие у тебя с ней отношения? А в драматическом спектакле, по-моему, играть легче, потому что ты не раздвоен. Кроме того, кукольник должен безукоризненно владеть сценической речью и постоянно следить за состоянием рук, плеч и шеи, чтобы не было хондроза. Мы работаем с куклой на вытянутых руках, а куклы часто бывают тяжелыми. Художники могут придумать что угодно, а актер должен все это оправдать. Вспоминаю спектакль Гимельфарба «Тиль», где

Сцена из спектакля «Декамерон» по Боккаччо. Режиссер Роман Виндерман

Лидия Павлова (слева) в спектакле «Жили-были Дед и Баба». Режиссер Евгений Гимельфарб, художник-постановщик Борис Щербаков

художником был Сергей Столяров. Я играла Сооткин — мать главного героя. На мне была куча поролона, а на лице — маска. Мы ползали по туннелям в декорациях, все — взмокшие.

– Я помню этот потрясающий спектакль в стиле Босха. Яркая, необычная, фестивальная постановка. «Тиль» стал творческим испытанием для труппы. Спектакль многое дал актерам в личностном росте и профессиональном мастерстве. Так что не зря вы потели.

– Да, конечно. Трудности искупаются радостью полной самоотдачи, когда все отдано партнеру и зрителю. Отдаешь, чтобы снова наполниться. Гимельфарб воспитывал синтетического актера, умеющего и петь, и танцевать, и говорить, и кувыркаться. Мы репетировали даже ночами и возвращались домой ранним утром. И ничего. Так многие театры жили.

– Зато и результат был всем на радость. У вашего театра появился профессиональный зритель, который возрастал вместе с театром. Барнаульский театр кукол представлял в 1982 году нашу страну на Десятом

международном фестивале в Польше. Спектакль «Двенадцать месяцев» по сказке Маршака в режиссуре Евгения Гимельфарба и сценографии Александра Толмачёва был принят очень тепло.

– Польша... Совсем не верится, что это было. Наш посол даже ручку мне поцеловал. Обедать повезли в ресторан. Так все чопорно было, непривычно. Но относились к нам очень хорошо. Спектакль «Двенадцать месяцев» имел большой успех. Я помню, как не смогла попасть на спектакль другого театра из-за отсутствия билета. Стояла у входа под дождем, непонятно на что надеясь. И вдруг, буквально за несколько минут до начала, вышел такой солидный поляк, протянул мне руку, провел в театр и посадил на хорошее место. Чудеса!

– Лада, вы были режиссером спектаклей «Гусенок», «Волшебное путешествие», «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», «Диво-дивное». Насколько интересна для вас профессия режиссера?

– Все, что связано с театром, для меня интересно и значимо. Вся

моя жизнь прошла в театре. Здесь все мое! И поросята, и гусята. Даже в отпуске мне снятся спектакли, в которых я играю.

– Наверное, поросенок Нуф-Нуф, резвящийся в луже, или юркая Лисичка в розовой юбочке, или, может быть, прелестная мольеровская Жаклин, очаровавшая столичных критиков? У вас так много почетных грамот, благодарственных писем, дипломов, что я не берусь их перечислять. Но вот звание «Заслуженный артист России» и медаль «За заслуги перед обществом» ко многим обязывают.

– Поэтому я никогда не отделяла свою жизнь от судьбы Театра!

– Да и зачем? Ваша творческая и человеческая биография говорит сама за себя. У вас взрослые дочь и сын, трое внуков. Вам знакома горечь утраты. Я уверена, что сценарий нашей жизни написан свыше. А вот то, чем мы можем его наполнить, это наш выбор. «Человек умирает из-за того, что его сердце перестает любить», — писал Маркес. А вы как были Солнышком, так и остались. ❧

Александр Пак

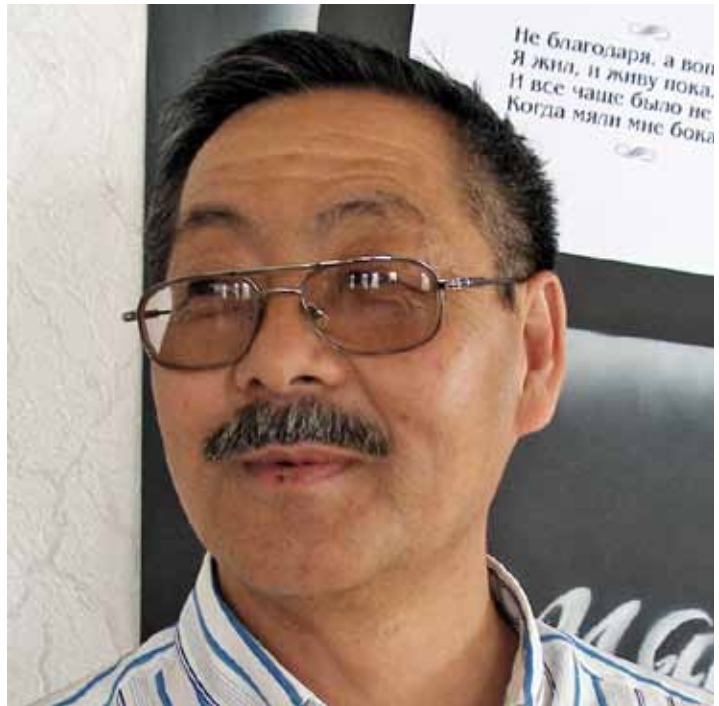
Моей маме

Каждый раз,
Когда взгляд мой
Воровато скользит
Вдоль прилавков базара,
Где в целлофановых гильзах
Продают чимчи* —
Красным перцем жжёт
Меня совесть,
Неоплаченным долгом
За все те надежды,
Что мать окропляла слезами,
Жалуясь лишь себе и Богу:
Как все же длинны —
Дни короткие зимы...

Здравствуй, седовласая Спарта,
Овеянная славой в веках!
И ты, Менелай, храбрый воин и гордый ахеец!
Это я — варваров далекий потомок —
Из века больших скоростей
Спешу, чтоб держать с тобою совет:
Как мне разбить извечный треугольник любви,
Как некогда ты, победителем выйти хочу я из плена...
Слушай меня, азиат желтолицый
С разрезом глаз, как лезвие ножа,
Будет говорить Менелай — царь Спарты славной:
Каждый смертный, каждый влюбленный,
Живущий под небом и солнцем палящим,
За любовь, за Елену Прекрасную должен
Если не разрушить, то заново выстроить Трюю...

Научиться бы у зеркала
Смотреть в глаза и честно отражать,
Не боясь увидеть правду...

Какое счастье,
Договориться с совестью своей
И быть самим собою...

Время — зеркало,
Оно отражает холодно и важно
Никого не щадя, каждую морщинку...

Время — лекарь,
Зализывает раны уходящих дней,
Притупляя боль и память живых...

Время — палач,
Ему всё равно, кто под топором:
Голова нищего или головка Помпадур...

Время — судья,
Ложь клеймя и оправдывая правду,
Ставит все точки над «i»...

Время — Молох,
Он всеяден, жаден и без жалости
Перемалывает всё и вся, что на пути...

Время — Бог,
Лишь ему одному ведомо,
Какими будем мы завтра и после...

Время — вор,
Чуть слышно, мелкими шажками
Крадёт у меня секунды — превращая их в года...

Старый заброшенный дом
С укором смотрит на меня,
Пустыми глазницами окон.
Первым, взгляд свой,

*Чимчи (кимчи) — корейская квашеная капуста.

Стыдливо в землю отвожу...

До свиданья, снова здарсьте!
Счастье черно-белой масти,
Зло приходит доброй вестью,
Ложь и правда дружат с лестью,
Радость с горем рядом вместе,
Разрываюсь я на части
Между страхом, болью, плетью,
Что мне делать с этой честью?..
Жизнь заслуживает смерти,
Чтоб её травил черти...

В зеркале я вижу,
Что у времени —
Моё лицо...

Рифмуются —
Жизнь со смертью,
Грех с Христом,
Подлость с честью,
Боль с хлыстом.
Рифмуются —
Поле с хлебом,
Вода с солнцем,
Птица с небом,
Любовь с сердцем.
Рифмуются —
Тьма со злом и светом,
Страх с чертом, Богом,
Пуля с пистолетом
И быстрым бегом.
Но как зарифмовать
Твою судьбу с моей судьбою
И одиночество — с зимою...

Не возгордись, поэт!
Усмири свою гордыню.

Графика Александра Пака

Совесть стыдится тебя...

Да, мне не нравится, когда
Нужно любить через силу
И того же желать насилу.
И еще не люблю, когда
Без берегов вода,
Без присмотра беда.
И не по душе мне, когда
Тычут лестью в глаза,
А бранят за глаза.
А еще, а еще, когда
Без конца твердят слова:
«Истина там, где правда...»
Держат зло на сердце камнем,
Лезут
В душу грязными руками
И всё время надо терпеть,
Когда
Бросают перчатку тебе...

Был на своих похоронах.
Было много народу.
Я запомнил только лица
Своих врагов, которые
Скорбели по-настоящему,
На глазах у них
Неподдельно и искренне
Выступали слезы утраты.
Мне стало понятно —
Я оставил их сиротами...

Все та же Россия,
Все те же дороги,
Не перевелись ещё дураки...
Знаю, есть страны,
Где вечное лето,
А дороги такие, что можно заснуть,
И дураки круглый год...
Но мне туда не надо.
Я буду скучать по России,
По дорогам своим,
По своим дуракам...

Процокали женские каблучки.
Гадаю: «да — нет!», нет —
Не моя калитка скрипнула...

Я сегодня свободен,
Как зелёный глазок
На жёлтых такси.
Отключён счётчик
От срочных дел,
От ненужных рукопожатий.
И быть может, впервые
Никуда не бегу,
Ни к кому не спешу.
Столько времени —
И как будто меня обокрали...

ИЕРОГЛИФЫ ОДИНОЧЕСТВА

Писать сжато, но емко — трудное дело. Здесь негде растекаться мыслию по древу, здесь должна звучать сама мысль, тонко и точно, на грани афоризма. Иначе — не воспримется. Впрочем, и афоризмы могут быть бледными, никакими. Эх, это вечное или-или. Рискуй, балансируя. Балансируй, рискуя. Но и самые горячие строки должны быть выверены с холодным расчетом. Парадокс. Но без парадоксов стихи останутся только стихами, поэзия их обойдет стороной.

Приходят — уходят.
Держу открытой дверь.
Петли жалобно скрипят.
Одиночества людской сквозняк —
И в душе не держится тепло.

Пять строк — как философский трактат об одиночестве, в котором каждый находит и понимает свое. Настоящие стихи во все времена творились в гордом одиночестве. Для этого не обязательно становиться отшельником. Вернее, отшельником надо быть всегда, но не обязательно удаляться куда-то в глухомань. Одиночество в толпе — высшее проявление свободы. А любой иероглиф — почти лабиринт. С тайным выходом в одиночество. По восточным тропам. И, как ни крути, Россия — особая часть Востока. Дело, опять же, тонкое.

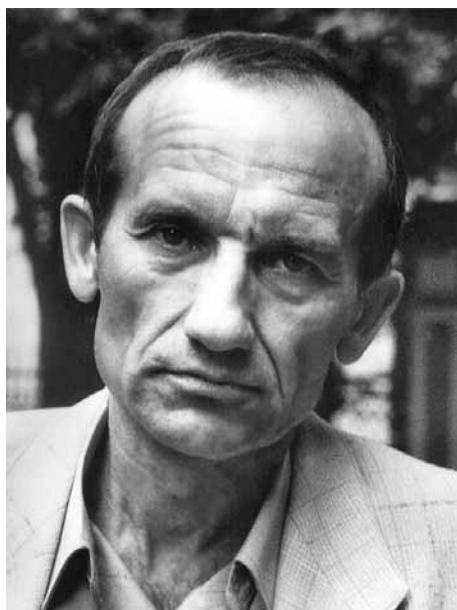
Корея — ты птица с подбитым крылом,
Летишь, разбросав свои перья по свету...

Написано по-русски. Но Александр Пак — кореец. Поэтому все стихотворение — не декларация. В нем — неподдельная боль. И даже в протяженных стихах Александр краток. Построчно. Сумейте только погрузиться в каждую строку.

Вся жизнь есть ожидание смерти.
И в этом промежутке
Что-то происходит...

Что ж? Давайте блуждать по иероглифам одиночества. Подальше от суеты сует. ■

Сергей Ключников,
поэт, член Союза писателей России

Игорь Шкляревский

На проспекте граждане гуляют,
девушкам свиданья назначают.
Тополя и клёны облетают,
а меня во вторник расстреляют.

Поведут бетонным коридором,
щёлкнут неожиданно затвором
и глаза повязкою закроют,
а потом без музыки зарюют.

Не могу я с этим примириться,
не могу расстаться сам с собою,
потому не пьётся и не спится,
а в решетке небо голубое.

А на воле граждане гуляют,
девушкам свиданья назначают.
Эх, тополя и клёны облетают,
а меня во вторник расстреляют.

Игорь Иванович Шкляревский родился 25 июня 1938 года в Белоруссии. Дебютировал с книгой стихов «Я иду» (1962). Автор многих стихотворных сборников, перевода «Слова о полку Игореве» (1979). Лауреат Государственной премии СССР (1987), Государственной Пушкинской премии РФ (1999). В 1986-м тяжело переживал Чернобыльскую катастрофу, произошедшую в области, где он родился. На средства Государственной премии СССР высаживал в Белоруссии леса. По сей день там можно увидеть таблички с надписью «Лес поэта Игоря Шкляревского».

Кадр из фильма «Калина красная»

Для фильма «Калина красная» Игорь Шкляревский по просьбе кинооператора Анатолия Заболоцкого написал песню. Но она не попала в картину, опоздала. Когда поэт позвонил и сообщил, что текст готов, съемки «Калины красной» были уже завершены. Но какое счастье нам накануне очередной встречи на горе Пикет вспомнить героя «Калины» Егора Прокудина, который из вот такой жалостливой

картинности (бедная поэтика тюремных «наколок» вроде «век свободы не видать» замечательно угадана Шкляревским) выбрался к любви, свету, победе настоящего русского характера, каким он задуман Богом вопреки обстоятельствам жизни.

И непрозвучавшая песня теперь будет нечаянной печалью отзываться в душе при воспоминании о «Калине красной». ■

Михаил Жеребцов. Березы. 1975.
Оргалит, масло. 57х73

стр. 20

Картинная галерея «Нагорная» в Барнауле впервые представила уникальную художественную коллекцию Шипуновского краеведческого музея. Почти все живописцы, работы которых входят в экспозицию, имеют почетные звания «Заслуженный художник РСФСР» (СССР), «Народный художник РСФСР» (СССР) или позже, России. Вот несколько имен: Константин Максимов, Иван Варичев, Геннадий Дарьин, Леонид Тихомиров, Олег Ломакин, Александр Бурзянцев, Аркадий Егидис; из алтайских мастеров — Леопольд Цесюлевич, Михаил Жеребцов, Фёдор Филонов. К сожалению, Жеребцов и Филонов не получили званий, но вполне их заслужили. Сегодня оценка их творчества поднялась на небывалую высоту.

Любовь Шамина

